

А. Г. ВОЛКОВ

**ЯЗЫК
КАК
СИСТЕМА
ЗНАКОВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

А. Г. ВОЛКОВ

**Я З Ы К
КАК
СИСТЕМА ЗНАКОВ**

**(Кафедра общего
и сравнительно-исторического языкознания)**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1 9 6 6**

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

В брошюре критически освещается проблема знака и значения и рассматриваются предпосылки семиотики как науки. Автор рассматривает язык как систему знаков. Кратко излагается история семиотических идей в их связи с философией.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современной лингвистике все более укрепляется взгляд на язык как на систему знаков, что, однако, не отвергает правомерности и других определений природы языка и специфики его элементов.

Определение элементов языка в качестве знаков уходит истоками в древнегреческую философию.

Собственно семиотический аспект языка как конкретная и особая теоретическая проблема был выделен в рамках науки «нового времени» (XVIII в.). Ближайшее практическое применение основные семиотические идеи получили в сравнительно-историческом языкознании и логике XIX—XX вв. Эти идеи, являющиеся предметом рассмотрения предлагаемой работы, развивались в течение XIX и XX вв. как в явной, так и в неявной форме почти всеми школами лингвистики, логики, психологии, физиологии, социологии, эстетики и, как обобщение этих усилий,— основными направлениями философии. Однако в качестве лингвистической теории определение языка как системы знаков функционирует после работ Ф. Ф. Фортунатова и Ф. де Соссюра.

По ряду причин, в числе которых важнейшей является методологическое основание той или иной семиотической теории, разработка последней в настоящее время требует существенных поправок и принципиального определения основных понятий¹.

Исследование языка в семиотическом аспекте приводит к выводу, что понятия «языковый знак» и «языковая структура» не только не противоречат диалектическому материализму, но являются подтверждением его принципов, формулирующих философское определение отношения между языком и мышлением.

В научно-лингвистическом отношении семиотическая концепция представляется плодотворной по крайней мере для

следующих аспектов рассмотрения языка: социальная природа языка, определение элементов языка на единой теоретической основе, определение функций языка, проблема лингвистической семантики и, наконец, проблема методов исследования языка. Таким образом, круг лингвистических проблем, так или иначе связанных с данной темой, очень широк. Учитывая высказанные выше соображения, автор ограничивает свою задачу рассмотрением только природы знака и специфики языковой структуры, т. е. рамками онтологии лингвистического объекта.

Специфика языковой структуры знаков в исследовании выводится не только из свойств самого языка, но и из сопоставления его с другими («неязыковыми») знаковыми структурами, т. е. проблема природы языкового знака решается в общесемиотическом плане. Именно такой способ теоретического рассмотрения языка диктуется, во-первых, необходимостью определить специфику языка в кругу родственных ему объектов, во-вторых, расширением связей языкознания с другими науками, оперирующими онтологическими понятиями «знак» и «структура», которые после соответствующего осмысления могут быть использованы в языкознании.

Рассмотрение языка в семиотическом аспекте, естественно, вызывает необходимость и известной перестройки в системе соответствующих лингвистических определений, непротиворечивость которых — идеал любого теоретического построения.

Однако сама эта перестройка представляется автору как развитие научных понятий; такое представление более плодотворно (хотя и связано с теоретическими трудностями), чем заманчивые и легкие декларации о простой смене «старых» понятий «новыми».

В настоящее время семиотические проблемы языка усиленно разрабатываются лингвистами, логиками, физиологами, математиками и философами. Методологическое и практическое значение семантики для современной науки общеизвестно. В связи с этим возрастает роль именно лингвистической семиотики, поскольку в рамках сравнительно-исторического языкознания был накоплен значительный опыт исследования языка в семиотическом аспекте. Этот опыт может быть плодотворно использован другими науками, включающими язык в круг своих исследований. И тем не менее лингвистическая семиотика как система научных понятий — область знания, находящаяся, по существу, лишь на начальной стадии. Более того, она формируется на стыке некоторых современных наук. Следовательно, и лингвистическая семиотика, как и всякая молодая наука, может вызвать порицание, по определению Гегеля, уже в силу того, что она «еще не достигла ни полноты деталей, ни совершенства формы»².

Отдавая себе отчет в этом, автор считает, что публикация работ, развивающих иные или сходные идеи, является единственным условием накопления семиотических фактов и достижения необходимого изящества в теоретических построениях.

Этому накоплению материала в значительной степени способствовали прежде всего публикации в течение ряда лет на страницах столь важного и авторитетного журнала, как «Вопросы философии», публикации, посвященные знаковой проблеме по дискуссионной статье «К вопросу о природе языкового знака»³. Как отметил академик М. Б. Митин, эта статья привлекла внимание советских философов и логиков к разработке знаковой проблемы, благодаря чему расширился круг семиотических исследований⁴. Ряд значительных по своему объему работ появился в печати уже после того, как предлагаемая книга была сдана в издательство. Текст книги поэтому сохранил тот вид, который он имел в процессе рецензирования. Автор с удовлетворением отмечает, что в вышедших в самое последнее время работах⁵ принимаются идеи, которые до дискуссии решительно отвергались такими, например, ранее непримиримыми противниками семиотики, как Л. О. Резников⁶.

Во всяком случае, определение «язык — система знаков» перестало быть жупелом, отпугивающим философов от важнейшей проблемы современности. Это понимание роли семиотики и знаковой теории языка в системе современных наук уже дало свои положительные результаты в области филологии, о чем свидетельствует интерес к семиотическому аспекту художественных произведений со стороны советских литературоведов. Эта многочисленная группа филологов все более отдает себе отчет в том, что семиотика в целом и лингвистическая семиотика в частности развивает фундаментальные идеи, затрагивающие не только проблему методов, но и сами принципы филологических исследований.

О фундаментальности семиотических идей свидетельствует тот факт, что догматическое отрицание семиотики, практиковавшееся в прежнее время, оказалось обреченным на неудачу. В настоящее время перед лингвистикой как одной из семиотических дисциплин открывается возможность превратить эту науку в столь же строгую область знания, каковой она признавалась в XIX веке в рамках сравнительно-исторического метода. Однако, благодаря общей теории знаков, представляется вполне реальным делом построить, по определению А. А. Реформатского⁷, лингвистику не на арифметическом, а на алгебраическом уровне: «Мы на пороге создания единой лингвистики, в которую войдут как старые классические методы, так и новые, зарождающиеся».

Это бесспорно. Спорным и открытым является вопрос: Кто будет заниматься созданием этой науки? Примут ли в этом должное участие те, кто занимается сейчас лингвистикой, или их место придется занять людям, пришедшим со стороны?»⁸.

Этот сложный процесс должен опираться прежде всего на филиацию научных идей и их разумный синтез. Одной из задач предлагаемой книги является реализация этого принципа.

Автор приносит благодарность кандидату филологических наук Ю. В. Рождественскому, взявшему на себя труд обстоятельного и строгого рецензирования рукописи, доктору филологических наук Ю. С. Степанову, поддерживавшему автора в процессе работы над книгой, кандидату филологических наук Л. А. Новикову, проявившему при редактировании понимание сложности формулируемых понятий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. См. Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, Б. В. Горнунг, М. М. Гухман, А. В. Десницкая, Б. А. Серебрянников. Теоретические вопросы языкознания. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1959, т. XVIII, вып. 3, стр. 215—216; см. сб. «Философия марксизма и неопозитивизм». Изд-во МГУ, 1963; см. сб. «Методологические проблемы науки». М., «Наука», 1964.

2. Гегель. Феноменология духа. Соч., т. IV. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 7.

✓ 3. См. А. Г. Волков, И. А. Хабаров. К вопросу о природе языкового знака. ВФ, 1959, № 11.

4. См. М. Б. Митин. Марксистско-ленинская гносеология и проблема языка и значения. ВФ, 1963, № 6.

5. См. Л. О. Резников. Гносеологические вопросы семиотики. Изд-во ЛГУ, 1964.

6. Ср. Л. О. Резников. Понятие и слово. Изд-во ЛГУ, 1958.

7. См. А. А. Реформатский. Н. С. Трубецкой и его «Основы фонологии». Послесловие к книге: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., ИЛ, 1960.

8. Р. Л. Добрушин. Математические методы в лингвистике. «Математическое просвещение», 1961, № 6, стр. 51.

I

СИСТЕМА ЗНАКОВ И ЯЗЫК

Советское языкознание в своих взглядах на язык как на явление социальное опирается на философские принципы диалектического материализма. Однако признание общественной природы языка является только одной из предпосылок истинного определения сущности этого явления. Язык находится в ряду других общественных явлений, поэтому необходимо, с одной стороны, выявить специфику языка как общественного явления, с другой, — определить те элементы, которыми язык непосредственно и опосредственно связан с обществом и его отдельными институтами.

Начиная от эпохи Возрождения, которой принадлежит концепция «язык — фундамент общества»¹, и по настоящее время, когда выдвигается концепция «языкового существования нации»², — социологический аспект языка был и остается одним из ведущих для наук гуманитарного цикла. Однако сменявшие друг друга гипотезы остались до сих пор лишь свидетельством того, что все усилия исследователей установить прямые связи языка, а тем более отдельных его элементов, с обществом в целом или с его отдельными институтами до сих пор не дали положительных результатов, т. е. таких надежных аргументов, на основе которых можно было бы сформулировать научные выводы.

Во многих случаях прямые сопоставления элементов языка с теми или иными общественными явлениями, казалось, достигали желаемой цели. Более того, некоторые аналогии увлекают до сих пор своим изяществом, примером чего может служить следующее определение причины непродуктивности так называемого многократного вида глагола в русском литературном языке конца XIX в.: «Знаменательно, что в то время, когда в русском языке все более и более исчезает самое созерцательное из видовых обозначений, дитя патриархального быта, — «покойный дед мой говаривал», «мы в столице живали», к дверям литературного языка все ближе и ближе подступают простонародные времена предшества»³.

Было бы соблазнительно построить концепцию «патриархальных» грамматических элементов в структуре русского литературного языка середины XIX в., если бы не то существенное обстоятельство, что бесприставочные формы многократного вида (*важивал, хаживал*) исчислялись буквально десятком даже в XI—XIV вв., т. е. являлись непродуктивными уже для древнерусского языка старшей поры ⁴.

Это обстоятельство, а также принцип несистемного подхода к языку и явились причиной столь поверхностной аналогии.

Точно таким же образом перед лицом современной лингвистики рассеиваются любые иллюзии истинности прямого соответствия языковых элементов с фактами общественных явлений, иллюзии, создаваемые аналогиями, построенными на основе сопоставления отдельных элементов языковой структуры с психическими, этическими, эстетическими и социальными структурами, не говоря уже о полной несостоятельности сопоставления языковых структур в целом с социальными структурами в целом или с их отдельными элементами ⁵. Неудачными оказываются эти усилия и в тех случаях, когда исследователи привлекают материал так называемых «экзотических» языков.

Представляет несомненный интерес и тот факт, что попытка основоположника этнолингвистики Уорфа выделить в языке хопи три класса глаголов на основе «идей», отражающих специфику «социального опыта» хопи ⁶, оказалась очередной иллюзией, порожденной тем же самым принципом прямого сопоставления элементов языка с социальными фактами: «Здесь Уорф, подобно многим, поддался распространенному заблуждению, что функция речи заключается в *воссоздании* реальности. Увы, даже самый лучший рецепт яблочного пирога съесть, конечно, невозможно, но было бы странно считать это недостатком рецепта» ⁷.

В свете этих аргументов ставится под сомнение не сам факт связи языка с обществом и не социальная природа языка, а направление самих поисков этих связей и аргументов, на основе которых язык определяется как явление общественное.

Автор данной работы разделяет взгляд, согласно которому определение социальной природы языка не может выводиться из его функций как это осуществляется в практике некоторых современных лингвистических концепций, например в этнолингвистике (функция языка — моделирование действительности, в силу чего наука и философия — это лишь особые ответвления языка) ⁸, в психоллингвистике (функция языка — общение в рамках биологического или социального поведения) ⁹, в концепции языкового «существования» (язык — средство существования нации) ¹⁰ и др.

Определение социальной природы языка на основе его функций представляет собой преобразование соответствующих гносеологических концепций языка, т. е. выведение его из мышления, в рамках которого и осуществляется различного рода экстраполяции свойств языка на основе функций других социальных явлений — нации, государства, мировоззрения, класса, надстройки, религии, политики и, наконец, самого мышления. Философская сущность функциональных концепций языка менее очевидна, чем в прямых гносеологических концепциях (язык — орудие мысли, язык — отражение национального духа). И тем не менее ее можно сформулировать как стремление уйти от онтологического определения природы языка в качестве системы «материальных элементов» или в качестве «системы чистых отношений», т. е. уйти от прямого решения основного философского вопроса о природе объекта в рамках материализма и идеализма. Определение языка по его функциям не позволяет преодолеть как менталистскую, так и антименталистскую концепцию определения лингвистического объекта, поскольку понятие функции логически снимает саму проблему природы того или иного объекта. Однако на функциональной основе можно свести к абсолютному тождеству все материальные объекты, в силу чего наука вообще и лингвистика в особенности не может познать свой объект. Именно поэтому признание языка явлением социальным оказывается только предпосылкой, но не развернутой аргументацией его социальной природы. В самом деле, определение социальной природы языка даже на основе его коммуникативной функции остается теоретически «нейтральным» только в известных пределах.

Широко известна, например, концепция коммуникативной функции государства Г. Графа¹¹, согласно которой «...причины возникновения и исчезновения известных в истории империй кроются в сфере средств сообщения»¹². Поскольку важнейшим средством общения выступает язык, постольку социальные свойства государства и языка вполне отождествляются и постольку, например, одна из главных задач проблемы массовой коммуникации трансформируется в проблему «улучшения» государства или нации на основе рационализации языка не столько в японской лингвистической концепции «генго — сэйкацу» («языковое существование») ¹³, сколько в европейской семантической философии ¹⁴.

Определение социальной природы языка по его коммуникативной функции приводило к явным и непримиримым в рамках лингвистики противоречиям, поэтому была выдвинута полифункциональная концепция языка, теоретическое обоснование которой предложил еще К. Бюлер ¹⁵.

Полифункциональная концепция языка в настоящее время объединяет и гносеологические и социальные аспекты язы-

ка, увлекая даже некоторых представителей структурализма и сторонников семиотической природы языка на нелингвистический путь содержательных описаний языковой структуры на основе данных общей психологии, этнографии, эстетической и материальной культуры, т. е. на коннотативный путь рассмотрения языка, отвергаемый принципами самой современной лингвистики.

В предлагаемой работе не отрицается теоретическая необходимость установления отношений между элементами структуры языка и их функциями, однако сама полифункциональная концепция языка препятствует истинному и строгому определению лингвистического объекта.

Р. В. Пазухин справедливо утверждает, что полифункциональная концепция языка должна быть главным объектом теоретической критики: «В развитии современной лингвистики негативная роль идеи языкового полифункционализма сказывается преимущественно в том, что она дезорганизует языковедов, направляя усилия последних по бесперспективному пути догадок о предполагаемых соответствиях между явлениями языка и категориями общей психологии. Это препятствует выработке объективной лингвистической методики..., приводит к смешению лингвистической и психологической точек зрения, искажает общее представление о границе и структуре языка и т. п.»¹⁶.

Концепция полифункциональности языка приводит, по существу, к представлению, что язык — многоликий объект, не обладающий собственной спецификой, точнее, к представлению о некоторой совокупности «объектов», охватываемых понятием «язык». Вероятно, язык может быть использован в различных целях, оставаясь все же самим собой (т. е. особым явлением среди других явлений — общественных и естественных) и обладая своей особой природой и единственной функцией¹⁷. Во всяком случае гносеологический подход к языку или некоторое специальное к нему отношение, например стремление к его регламентации, выражающееся в понятии «норма», не являются для науки аргументом, препятствующим рассмотрению языка как такового, как особого объекта. Иными словами, в приведенных выше определениях речь идет о свойствах предмета, а не о самом предмете лингвистики: определяя язык как средство выражения мысли, средство общения или средство выражения мировоззрения, отвечают на вопрос, каковы функции языка, а не на вопрос о том, что особого представляет данный объект и какова его структура. Кроме того, в подобного рода гносеологических и функциональных определениях в неявной форме содержится мысль, согласно которой язык — «вместилище» человеческого интеллекта, а в самом языке отражается духовная эволюция того или иного коллектива — носителя конкретного языка.

Тезис этот, сформулированный в таком виде В. Гумбольдтом, варьировался и варьируется до сих пор в некоторых концепциях лингвистики и философии с такой серьезностью, что создается впечатление, будто сознание — *tabula rasa*, чистый лист, на который язык своею «силой» лишь накладывает время от времени ту или иную картину мира. Подлинно научное мышление не может руководствоваться подобного рода критерием в определении объекта исследования: «Определениями, гарантирующими действительное познание, являются только те, которые определяют предмет посредством самого предмета, только его собственные индивидуальные определения, т. е. не всеобщие, какими являются логическо-метафизические определения, которые не определяют никакого предмета, потому что они распространяются на все предметы без различия»¹⁸. Подобно тому как современная физика не рассчитывает получить от элементарных частиц ответ на вопрос, что они такое, подобно этому и лингвистика должна определять свой объект онтологически, раскрывая понятие самого средства, выступающего или применяющегося в той или иной функции.

От других социальных явлений язык отличается прежде всего своей семиотической, знаковой природой, но не своим «неклассовым характером», как это формулируется И. В. Сталиным в брошюре «Марксизм и вопросы языкознания», поскольку неклассовым характером обладают и некоторые другие социальные явления.

Дело в том, что будучи явлением социальным, язык, рассматриваемый как артикуляционно-фонетический или графический объект, обладает в конечном счете естественными свойствами: физиологическими, акустическими и световыми (электромагнитными), т. е. может быть определен и в качестве естественного объекта.

Никем не доказанный тезис, что язык не типическое, а исключительное общественное явление, в функциональном отношении — не производящее орудие, а орудие общения, страным образом резюмируется в представлении, что физическая сторона в нем не является самой главной. Это представление направлено против возрождения натуралистической концепции языка, но у него нет решительно никаких онтологических аргументов, а логически оно противоречит основной посылке: если язык действительно исключительное явление, то единственная возможность объективно определить его специфику — это прибегнуть к различного рода сравнениям, в том числе и к сравнениям с естественными объектами, если, конечно, как справедливо отмечал еще Г. Шухардт, эти сравнения не чрезмерны¹⁹. И поскольку «естественная» природа акустико-физиологического уровня языка бесспорна, поскольку здесь допустимы не только сравнения, но и перенос в языкознание

некоторых понятий, которые привлекаются не только ради «наглядности», как это представлялось младограмматикам в их полемике с натурализмом, но и с прямой целью определения природы языкового знака: «Речь есть такое явление в человеческой жизни, где физиологический и социальный факторы человеческой жизнедеятельности вошли с чрезвычайно демонстративной наглядностью в глубочайший неразрывный контакт во всех — и в самых общих и самых детальнейших проявлениях речевого поведения, причем поведение как каждого отдельного индивидуума, так и всего речевого коллектива»²⁰. Именно поэтому отрицание в языке физической стороны в качестве основной возвращает лингвистику к концепции знака, определяемого на «чистой» социальной или психической основе, а это требует на современном уровне теории новой аргументации, принципиально отличной от традиционных взглядов умозрительной социологии Э. Дюркгейма — Ф. де Соссюра и классической психологии. Но обсуждаемая проблема «схождения» в знаке социальных и естественных свойств слишком серьезна, чтобы решение ее руководствовалось боязнью натурализма. В ограниченном смысле вполне допустимо следующее определение: язык — естественный объект по онтологической природе своих элементов, но объект социальный по специфике своей структуры и своей единственной коммуникативной функции.

Вот одно из наиболее глубоких современных сравнений элементов языка с естественными объектами, сравнение, подчеркивающее именно структурный аспект языка, а не естественный. Оно дано Н. Винером: «Д-р Бронский между прочим отмечает, что математика, которую большинство рассматривает как наиболее точную науку из всех наук, представляет наиболее колоссальную метафору, которую можно только вообразить, и что ее следует оценивать как интеллектуально, так и эстетически с точки зрения справедливости этой метафоры.

Метафора, о которой пойдет речь в этой главе, образована при помощи такого образа, где организм рассматривается в качестве сигнала. Организм противоположен хаосу, разрушению и смерти, как сигнал противоположен шуму (разрядка моя.— А. В.)»²¹.

Нет решительно никаких оснований отказываться от этого научного образа и при определении даже такого «исключительного» явления, как язык, стоящий перед исследователем одновременно и как естественный, и как социальный объект.

Возникшее противоречие носит чисто вербальный характер, поскольку исторический материализм интерпретирует и

социальные объекты материалистически, т. е. выводит их из материальных причин. Таким образом, социальная специфика языка раскрывается через знаковую природу материальных элементов, составляющих этот объект. Наилучшим образом социальную природу знака вообще, как материального объекта, определили К. Маркс и Ф. Энгельс: «При действительном обмене абстракция должна быть, в свою очередь, овеществлена, символизирована, реализована посредством [какого-либо] знака»²². Это определение относится вообще к любому типу знаков, которые приобретают социальную характеристику постольку, поскольку они выступают в качестве материальных объектов, замещающих, представляющих абстракции (элементы мышления) в процессе общения. Преодоление вербального противоречия между естественным и социальным аспектами языка требуют формального определения этого сложного объекта. Потребность в формальном определении объектов является важнейшей проблемой современной науки в целом: «Хотелось бы на общем языке, одном и том же языке для всех высокоорганизованных систем, уметь описывать и все явления жизни человеческого общества»²³. Знаковая теория языка представляется одной из наиболее существенных предпосылок строгого и непротиворечивого определения лингвистического объекта. Человеческие абстракции могут сигнализироваться различными формами материализации, т. е. знаки могут иметь различную материальную природу (графические знаки: математические, логические, физические, химические, различные формы письма, рисунки, в том числе и многоцветные, например живопись; акустические знаки: звуки артикулируемой речи, звуки музыки; вещи из различного материала или из различных элементов материи: указатели на дорогах, улицах, общественных учреждениях, форма и цвет одежды; денежные знаки: металлические и бумажные; световые знаки светофора, бакены и маяки рек и морей и т. д.). Эти объекты на основе некоторой условной классификации могут быть подразделены на знаки, сигналы и символы, но поскольку разнообразные материальные объекты, подводимые под эти названия, выступают представителями именно человеческих абстракций, т. е. в качестве объектов человеческого общения или коммуникации, поскольку все они переходят в класс социальных явлений или во всяком случае обладают общественной, социальной ценностью. В связи с этим возникает проблема определения специфики языка не только среди социальных явлений вообще (это определение дано выше), но и среди других типов знаков, обладающих точно такой же социальной природой, как и язык. В качестве такого отличия языка от других социальных типов знаков обычно выдвигается принцип универсальности. Но, с одной стороны, не менее универсальным средством общения

являются, например, денежные знаки, с другой, в каждом коллективе — носителе того или иного языка имеется известное число людей, лишенных в силу ряда причин языка.

Разумеется, разные типы знаков для того и возникли, чтобы специализировать способ коммуникации в различных сферах деятельности человека. И в этом смысле язык является как бы центром коммуникативной иерархии.

И все же наиболее существенной особенностью языка представляется сама природа его элементов и специфика структуры языка в целом. Таким образом, язык отличается от других социальных явлений своей знаковой природой, а от других типов социальных знаков — спецификой своей структуры. Однако это определение только ставит проблему типологии знаков, проблему, являющуюся методически наиболее важной не только для языкознания, но и для смежных наук.

Проблема типологии знаковых систем обнаруживает, между прочим, несостоятельность одного теоретического принципа, который до сих пор представляется наиболее важным в социальных концепциях языка. Дело в том, что определение языка в качестве явления социального на основе сопоставления его с другими социальными и естественными явлениями логически порочно, так как при таком прямом сопоставлении не учитывается необходимость соблюдения степеней сравнения объектов. Поэтому онтологически язык сопоставляется с непосредственно несопоставимыми объектами. По своей коммуникативной функции язык должен сопоставляться не с самими социальными явлениями, а с другими знаковыми системами, функционирующими в социальных и биологических коллективах. Именно эта ошибка имела своим следствием безрезультатные поиски элементов, непосредственно связывающих язык и общество, в силу чего до сих пор концепция языка как социального мировоззрения или неклассового явления носит чисто декларативный характер и не подкрепляется конкретными фактами. С другой стороны, противопоставление социальных и биологических знаковых систем, имеющих в своем основании жесткую классификацию всего того, что относится к социальному бытию человека и к его биологическому бытию, лишает лингвистику знания природы биологических коммуникативных систем, которые могут пролить свет на проблему происхождения языка. Таким образом, язык должен сопоставляться прежде всего с другими знаковыми системами — социальными и биологическими — и через них с соответствующими явлениями.

Типология знаков призвана аргументировать природу языка прежде всего на строгой общесемиотической основе. Поэтому распространенный взгляд, что в настоящее время во-

прос заключается не в том, как мыслить отношение между языком и обществом, а в том, какие элементы в языке и обществе должны быть связаны друг с другом, представляется очевидным заблуждением. По-прежнему наименее ясным остается отношение именно между языком и обществом и именно в силу нестрогости исходной посылки, содержащей мысль о наличии прямых соответствий между языком и другими общественными явлениями.

Типология знаковых символических и сигнальных систем дает основание определять элементы языка в качестве материализованных субститутов (заместителей) абстракций и эмоций, этих сложных психофизиологических процессов мозга. Наиболее точным и давно утверждающимся в русской науке термином для названия этих субститутов является термин **знак**. В силу своей материальной (физической) природы этот субститут (знак) условен по отношению к природе того, что он представляет или замещает, а по своей социальной природе знак (субститут) обусловлен лингвистической непрерывностью своего употребления, которая характеризуется последовательностью во времени и одновременностью в пространстве. Эта обусловленность (мотивированность) знака определяется, во-первых, мышлением, иначе социальное «бытие» знака беспричинно, недетерминированно. В связи с этим возникает важнейшая проблема отношения между языком и мышлением, между знаком и абстракцией, или языковым значением (семантикой). Во-вторых, мотивированность знака определяется структурой природы языка в целом. Без этой внутренней, имманентной обусловленности языковой знак утрачивает свою специфику: он или становится акустическим феноменом, или переходит в другую знаковую структуру.

Проблема природы языкового знака продолжает оставаться спорной, в связи с чем борьба ментализма и антиментализма приобретает методологический характер, обуславливающий то или иное определение природы самого лингвистического объекта и тем самым основание той или иной лингвистической концепции.

«Идея знака, выделяемого на психологических основаниях, неизбежно ведет к ложному разграничению языка и речи, которое преимущественно принимает во внимание не стоматологическую, но физическую природу акустических явлений»²⁴. Таким образом, условность и обусловленность одновременно характеризует природу лингвистического знака. С другой стороны, и языковые и неязыковые знаки характеризуются рамками своей естественной природы и социальной функцией. Две эти характеристики, обычно принимаемые в качестве определяющих признаков именно языкового знака, не являются исключительной принадлежностью такового: на-

пример, математические или денежные знаки обладают точно такими же характеристиками. Несмотря на значительную литературу, посвященную выяснению природы языкового знака, новые публикации, а также новые применения языка в общественной практике (наука, техника, искусство) возвращают к необходимости рассмотрения тех характеристик языкового знака, которые в настоящее время представляются не только наиболее релевантными, но и наиболее нужными для практического применения.

Кроме того, необходимость рассмотрения природы как существенных, так и несущественных признаков языкового знака диктуется и методологическим аспектом проблемы.

Методологически определение языкового знака может строиться как на материалистической, так и на идеалистической философской основе. И сложность дела заключается не в том, что тот или иной исследователь в основной посылке применяет термин «материальность знака» или «психическая природа знака», а в существе определения в целом и в вытекающих из него следствиях.

Более того, в зависимости от уровня и совокупности знания, сам материализм, по определению Ф. Энгельса, меняет свои формы. Вчерашние материалистические определения могут сегодня оказаться недостаточными. Но отсюда не следует, что само по себе это определение не было материалистическим и не сыграло своей положительной роли в науке. Так получилось, например, с концепцией слова как второй сигнальной системы И. П. Павлова. В общем, в рамках объяснения самого отношения между первым и вторым сигналами, концепция И. П. Павлова продолжает оставаться материалистической, но сведение второго сигнала только к слову, а не к структуре языка в целом представляется не только недостаточной, но и ложной, тем более, что само слово принимается современной лингвистикой в качестве элемента языка в высшей степени условно. И тем не менее нет никаких оснований выдвигать против концепции самого И. П. Павлова следующий, сомнительный в смысле материализма, аргумент, к тому же имеющий в своей посылке чисто терминологическое расхождение с И. П. Павловым: «Во всяком случае, против теории словесного знака как сигнала сигналов — в таком виде, в каком эта теория известна в настоящее время, — следует выступать как раз от имени диалектического материализма»²⁵ (И. П. Павлов называл слово «сигналом», а А. Шафф называет слово «знаком»).

Вызывает недоумение, почему, во-первых, необходимо выступать против материализма И. П. Павлова от имени диалектического материализма в целом, а не от имени философа А. Шаффа; во-вторых, в традиционной форме эту концепцию защищают в современной науке определенные лица, против

которых и следует выдвигать новые научные аргументы, а не «сомнение» в правомерности или неправомерности применения терминов *сигнал*, *символ* или *знак* по отношению к элементам языка.

Однако, если иметь в виду конечные результаты определения знака, то философское содержание любого исследования объективно может быть интерпретировано в качестве материалистического, идеалистического или дуалистического (ср., например, соответственно определение знака Ф. Ф. Фортунатовым и Л. Блумфилдом, с одной стороны, Ф. де Соссюром и Л. Ельмслевом — с другой, и Н. Я. Марром — с третьей). Материалистическое (и в известной степени дуалистическое) определение природы знака делает его элементом коммуникации и объектом семиотики и лингвистики, тогда как идеалистическое — объектом мышления и тем самым источником познания в рамках мышления или даже наряду с мышлением. В связи с этим возникают философские аспекты знаковой проблемы. Успех того или иного исследования и истинность его результатов в значительной мере зависят от того, как — идеалистически или материалистически — представляет свой объект исследователь.

Это тем более существенно, что современная наука оперирует довольно сложным для каждого объекта понятием «структура», в котором элементы одного уровня не могут быть часто определены непосредственно, а только через другие уровни, что создает иллюзию, будто наука имеет дело не с элементами, а с их отношениями и функциями. На известном уровне анализа, в лингвистике — на формальном, определение элементов по их функциям оказывается в высшей степени продуктивным, но это не лишает объект в целом его материальной природы.

Таким образом, признание языка явлением социальным, а его элементов — знаками приводят к следующему определению лингвистического объекта: язык — это исторически сложившаяся социальная структура материальных знаков, выполняющая коммуникативную функцию. Однако в свете высказанных идей это определение нуждается в одном существенном ограничении: языком в собственном смысле автор считает акустико-артикуляционную структуру. Положение это разделяется далеко не всеми советскими лингвистами, но оно имеет принципиальный характер для развития теории лингвистической семиотики. В соответствии с этим лингвистические концепции, принципиально отрицающие знаковую природу языка, могут быть определены в качестве собственно социологических, психологических или функциональных. Не было бы оснований возражать против этих концепций, если бы все они с одинако-

вым успехом не навязывали языку свойств естественных (Шлейхер), психологических (Гумбольдт, Потебня, Шахматов, Соссюр) или социальных (Дюркгейм, Фосслер, Марр, Вейсгербер) структур.

Предложенные выше определения лингвистических проблем, как и почти всякие, впрочем, определения, могут вызвать возражение даже у лингвистов, развивающих сходные идеи. Больше того, некоторые ученые предпочитают оперировать лингвистическими объектами или отдельными его элементами, уклоняясь от их логического определения. Это никогда не приносило пользы защищаемым концепциям. И тем не менее, в соответствии с логикой самой науки, так или иначе диктующей каждому свои современные понятия «в рабочем порядке», даже противники семиотической концепции языка оперируют понятием «язык — система знаков». Это очень похоже на то, что сказал Р. Карнап о физиках, отрицающих абстрактные объекты физики: «Более вероятно, что он будет говорить об этих вещах (об абстрактных объектах физики. — А. В.) так, как и всякий другой, но с беспокойной совестью, как человек, который в своей повседневной жизни делает с угрызениями совести многое такое, что не согласуется с высокими моральными принципами, которые он исповедует по воскресеньям»²⁶.

В условиях ускоренного развития современной науки в целом разработка именно теории, а не только «рабочих» гипотез и приемов признается в настоящее время одним из важнейших условий прогресса конкретных наук²⁷.

Актуальность семиотического аспекта языка и спорность изложенных выше проблем, тем более, что эти проблемы оказываются не только в сфере тех или иных современных философских построений, в том числе и построений философии диалектического материализма²⁸, но даже и основными принципами некоторых направлений буржуазной философии (общая семантика, лингвистическая философия)²⁹, — все это делает необходимым обоснование самой теории лингвистической семиотики как специальной научной теории, обладающей своим собственным объектом и развивающимися методами.

БИБЛИОГРАФИЯ

к главе первой

1. См. Я. Буркхардт. Культура Италии в эпоху Возрождения, т. II, гл. III. СПб., 1904.

2. См. Н. И. Конрад. О «языковом существовании». «Японский лингвистический сборник». М., ИВЛ, 1959.

3. Л. П. Размусен. О глагольных временах. ЖМНП, 1891, июнь, стр. 386.

4. А. Г. Волков. Классы глаголов древнерусского языка. «Вестник МГУ», историко-филологическая серия, № 2, 1958.
5. См. А. Sommerfelt. Diachronic and Synchronic Aspects of Language. Oslo, 1962.
6. Б. Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку. В сб. «Новое в лингвистике», вып. 1. М., ИЛ, 1960, стр. 150—182.
7. М. Блэк. Лингвистическая относительность. В сб. «Новое в лингвистике», вып. 1. М., ИЛ, 1960, стр. 203.
8. См. Б. Уорф. Наука и языкознание. В сб. «Новое в лингвистике», вып. 1. М., ИЛ, 1960.
9. Psycholinguistics. A survey of theory and research problems. Baltimore, 1954.
10. См. Н. И. Конрад. Ук. соч.!
11. G. E. Graf. Die Landkarte Europas gestern und morgen. Berlin, 1919.
12. Цитируется по кн.: Г. Гейден. Критика немецкой геополитики. М., ИЛ, 1960, стр. 130.
13. См. Н. И. Конрад. Ук. соч.
14. См. St. Chase. The Tyranny of Words. New York, 1938; S. Nakowa. Language in Thought and Aktion. New York, 1949.
15. См. К. Bühler. Kritische Musterung der neuern Theorien des Satzes. «Indogermanisches Jahrbuch». Berlin, 1918, Nr. 6.
16. Р. В. Пазухин. Учение К. Бюлера о функциях языка как попытка психологического решения лингвистической проблемы. ВЯ, 1963, № 3, стр. 94.
17. Критику полифункциональной природы языка см. в указанной работе Р. В. Пазухина; см. также: С. Л. Рубинштейн. К вопросу о языке, речи и мышлении. ВЯ, 1957, № 2.
18. Л. Фейербах. Основы философии будущего. М.—Л., Соцэкгиз, 1963, стр. 95.
19. Г. Шухардт. О книге Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики». «Избранные статьи по языкознанию». М., ИЛ, 1950, стр. 194.
20. С. М. Доброгаев. Фонема как физиологическое и социальное явление. В сб. «Языкознание и материализм». Л., 1929, стр. 84.
21. Н. Винер. Кибернетика и общество. М., ИЛ, 1958, стр. 103.
22. «Архив Маркса и Энгельса», т. IV. М., Партиздат, 1935, стр. 61.
23. А. Н. Колмогоров. Автоматы и жизнь. В сб. «Возможное и невозможное в кибернетике». М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 16.
24. Р. В. Пазухин. Ук. соч., стр. 101.
25. А. Шафф. Введение в семантику. М., ИЛ, 1963, стр. 210.
26. Р. Карнап. Значение и необходимость. М., ИЛ., 1959, стр. 229.
27. «Методологические проблемы естествознания и обществознания». ВФ, 1963, № 11.
28. См. А. Г. Волков, И. А. Хабаров. Онтологический и гносеологический аспект знаковой проблемы. В сб. «Законы семантического развития». М., Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961; М. Б. Митин. Марксистско-ленинская гносеология и проблема языка и значения. ВФ, 1963, № 6.
29. См. Г. А. Брутян. Теория познания общей семантики. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1959.

II

ИЗ ИСТОРИИ СЕМИОТИКИ И КЛАССИФИКАЦИИ ЗНАКОВ

В работах некоторых современных исследователей, рассматривающих типологию знаков, утверждается, что общая теория знаков возникла в философских (Пирс, Гуссерль) и лингвистических (Фортуатов, Соссюр, Моррис) концепциях в некотором роде чисто теоретически, дедуктивно. Фактически же типология знаков как основание науки семиотики возникла из практических потребностей изучения различных видов коммуникации, т. е. из общественной практики, в связи с чем следует подчеркнуть, что эти потребности были учтены задолго до тех ученых, с именами которых обычно принято связывать появление семиотики.

Типология знаков имеет теоретическое и практическое значение: выявление сходства и различия знаковых структур и сфер их оптимального применения. Теорию знаков невозможно отделить от идеи развития структуры и от представления о том, что знаковые структуры заключают в себе свойство изоморфизма. Задача в том и заключается, чтобы выявить в истории науки последовательность семиотических идей, так что переход от одной идеи к следующей не оставлял бы сомнения в истинности научных доказательств. Оценка же этих последних в их современном состоянии делает методологически необходимым расширить исторические рамки рассмотрения семиотики.

На определенном уровне развития науки возникает проблема обобщения эмпирических фактов: в лингвистике это было отмечено возникновением сначала типологической, а затем генеалогической классификации языков.

Однако общее учение о знаках — семиотика, включавшая в объект своего изучения, следовательно, и классификации естественных языков, старше этих частных лингвистических теорий.

Теоретическим основанием семиотики явилась идея, возникшая на стыке логики и филологии в так называемой «философской грамматике».

Это идея «универсальной грамматики» Пор-Рояля, ставившей перед собой задачу, содержание которой вполне современно: изучение естественных свойств речи и выведение общих принципов и основных различий, присущих всем языкам¹.

Вполне естественно, что реализация этой идеи оказалась совершенно невозможной в условиях XVII—XVIII веков в силу ряда причин, среди которых важнейшей является полное отсутствие теоретически обоснованных представлений о природе, структуре и законах развития естественных языков.

Два важных положения, унаследованные от древнегреческой философии и грамматики, во-первых, что элементы языка (слово и предложение) — знаки и, во-вторых, что эти знаки условно связаны с мыслью, оставались лишь общими понятиями и на первых шагах при создании первых грамматик живых языков, так как, попросту говоря, филологи и логики не знали, как применить их на практике.

Однако в философии, логике, «естественных» науках (математика, физика), «искусствах» (графика, живопись) и «ремеслах» (книгопечатание, картография XVII—XVIII вв.) эти общие понятия оказались в высшей степени продуктивными, что без углубления в специфику структуры языка привело к отождествлению языковых знаков (преимущественно письменного «слова» и «предложения») с другими типами знаков и отразилось в концепции знакового универсализма, которому отдали дань все крупные ученые конца XVII—начала XVIII в.

Знаковый универсализм, имевший своим источником и образцом осознание знаковой природы скорее слова, чем языка в целом, явился теоретическим отражением той роли, которую в возрастающей степени стал занимать условный символизм в человеческой цивилизации в целом: «...в культурной жизни народов мы встречаемся с символизмом в виде флагов, семафора, тех или иных видов цветной сигнализации, в государственных регалиях, в орденах, в различного рода значках, в форме одежды, в суде и в религии в виде обрядовой их стороны, в изобразительных искусствах, в литературе, особенно в поэзии, и даже в преданиях старины. Словом, везде и повсюду мы встречаемся с символикой, наполняющей и проникающей всю нашу жизнь»².

Следует подчеркнуть, что этот фундаментальный факт был осознан уже в рамках «новой науки», свидетельством чего является описание различных типов знаков (дипломатика, нумизматика, сфрагистика, эпиграфика), что диктовалось различными, очень существенными практическими потребностями и привело к созданию первых научных трудов, заложивших основание палеографии в широком смысле этого слова, которую можно определить в качестве практической семиотики. Первыми авторами научных трудов по палеографии

явились Ж. Мабильон («De re diplomatica», 1681) и Б. Монфокон («Paleographia gresca», 1708).

В дальнейшем, в течение XVIII и XIX вв., описание различных типов знаков в рамках палеографии или же отдельно в дипломатике, нумизматике, сфрагистике и эпиграфике приобрело широкие размеры, в силу чего эти эмпирические описания сложились в прикладные науки, обслуживавшие историю, этнографию, археологию, филологию и лингвистику.

Однако знаковый универсализм имел в эту эпоху и собственно научное, в том числе и лингвистическое, основание.

Бурное развитие науки, техники, международной жизни и культуры европейских народов поставило задачу совершенствования методов познания средствами символической коммуникации и дальнейшей нормализации национальных языков. Именно в связи с этим формулируются гносеологический, коммуникативный и лингвистический аспекты семиотики.

Гносеологический аспект семиотики возникает в связи с проблемой соотношения «обычного» и «научного» знания (Локк) или «практического» и «чистого разума» (Кант) и необходимостью их выражения соответствующими типами знаков — «естественным» и «философским» языком (термин *философский* в эту эпоху был абсолютным синонимом термина *научный*; это уточнение необходимо для понимания лингвистической и семиотической проблематики, поставленной в эту эпоху).

Д. Локк дает развернутую аргументацию в пользу строгой необходимости разграничения этих важных для общественной жизни и науки понятий: естественный язык — орудие, связь общества и основание поэзии³, философский язык — средство выражения научных понятий (математических, физических и логических), вообще «универсальных» терминов⁴. Природа элементов этих языков одинакова: слова и предложения — материальные знаки, которые не содержат в себе простых или универсальных понятий⁵, а употребляются лишь для закрепления и сообщения обычных понятий и универсальных терминов; отношение между знаками и понятиями абсолютно условно, что и является предпосылкой как развития естественного языка, так и рационализации философского языка, знаки которого должны быть «однозначными»; число этих знаков и правил их употребления ограничено, как в математике, логике и ботанике⁶. По мнению Д. Локка, создание такого языка потребует много «времени, издержек и труда», но ввиду развития науки рано или поздно он будет создан и должен войти в семиотику — общее учение о знаках — наряду с логикой и естественным языком. В соответствии с этим Д. Локк делит человеческое знание на три разряда: физику, практические науки и семиотику, которая кроме проблемы общения при помощи знаков должна решать и про-

блему хранения знания, накопленного двумя первыми разделами наук⁷.

Г. В. Лейбниц выделял в своем научном универсализме проблему связей в природе, обществе и в самой науке. Теорию знаков он рассматривал преимущественно в коммуникативном аспекте⁸. Его идеалом было создание пазиграфии — универсальной системы знаков, строго соответствующих системе научных, политических и философских понятий, отобранных на основе *characteristica universalis* — «общей характеристики». Для этих целей, т. е. для создания пазиграфии, Лейбниц выдвинул три основных принципа: 1) отбор наиболее важных и точных понятий, в результате чего должен явиться «алфавит мысли»; 2) создание простых символов на основе рационального исследования всех существующих типов знаков; 3) отбор строгих правил, которые должны представлять собой не совокупность и не рандом, а непротиворечивую систему⁹.

Содержание пазиграфии Лейбница можно вслед за К. Фишером определить следующим образом: «Пользуясь арифметическими и алгебраическими знаками, математика уже обладает такой письменностью, непосредственно выражающей мысли. Почему бы не попытаться вообще всей науке достигнуть такой же независимости от разноречивости народов, как математика? Задача всемирной письменности будет решена, если все науки возьмут пример с математики и будут найдены характеристики для точного обозначения понятий подобно тому, как арифметическими и алгебраическими знаками обозначаются величины и их отношения. Тогда можно будет так же понятно выражать все научные истины, так же строго охранять их и проверять, как и математические. Нужно найти простейшие, элементарные понятия, как бы алфавит мысли, и установить для этого алфавита годные для всеобщего употребления значки; тогда, комбинируя их, можно будет выражать состояние понятия, суждения, заключения и таким образом обозначать ход научного исследования»¹⁰.

Для лингвистической семиотики идея Лейбница, предшественника Заменгофа (эсперанто) и де Бофрона (идо), представляет интерес не как тривиальная попытка создания языка, как представляется некоторым лингвистам, но как научное обоснование семиотического моделирования на основе естественного языка, моделирования, включающего в себя и принцип развития на основе периодически осуществляемой конвенциональности. В наше время реализацией этих идей Локка и Лейбница являются не только символическая логика, основоположниками которых они являются, но и создание первого универсального языка Алгол¹¹.

Однако в рамках общего учения о знаках формируется и проблема собственно лингвистической семиотики, наиболее ав-

торитетно заявившей о себе в лице И. Г. Гердера, который обосновал концепцию исключительности знаковой природы человеческого, или «естественного», языка¹².

И. Гердер возражал против предположения, что знаки языка — результат рассчитанного, обдуманного изобретения. Критикуя различные теории, в том числе и конвенциональные теории знаков Локка и Лейбница, он приходит к выводу, что язык и разум являются врожденным свойством природы человека: язык появился тогда, когда духовная «натура» человека возвысилась до осознания самой себя, в связи с чем и язык возник как средство общения человека с самим собой на основе разумного врожденного инстинкта и особым образом организованного «голоса», или «органа», речи. Животные, по Гердеру, тоже «воспроизводят» знаки, выражающие их чувства, но духовная природа животных слишком «низка», «врожденный» инстинкт препятствует тому, чтобы животное «возвысилось» до разговора с самим собой при помощи знаков.

Свою естественную концепцию языкового знака Гердер выводил из природы человека на основе жесткого противопоставления человека всему остальному миру живой природы, и в этом смысле его доктрина подверглась решительной критике лингвистов и психологов середины XIX в. Тем не менее одно положение концепции Гердера заслуживает особого внимания. Это обоснование специфики языковых знаков, что послужило в дальнейшем одним из аргументов в пользу выделения языковедения в качестве самостоятельной науки, оперирующей своим собственным эмпирическим материалом, как «голоса», осуществляющегося на основе особого устройства речевого аппарата человека или, по Гердеру, «органа речи».

Тем самым Гердер, по существу, обосновал физиологию речи, т. е. ввел в обиход в качестве научного принципа акустико-физиологический аспект знаков языка.

Локк, Лейбниц, Кант, Кондорсэ, Гердер и др. сформулировали и ввели в круг важнейших научных проблем следующие три фундаментальные семиотические идеи.

1. Абсолютно условный характер связи между знаком и обозначаемым (понятием, предметом). Принцип этот по отношению к слову и предложению был сформулирован Демокритом, Аристотелем и стоиками. Однако в эпоху Средневековья и Возрождения этот принцип был вытеснен доктриной «язык — орудие мысли», и восстановление его на основе анализа отношений между знаком и значением в самом языке само по себе было важным научным фактом. Совершенно новым явилось распространение этого принципа на все типы знаков.

2. Подобие (Локк, Лейбниц) и различие (Гердер) знаков, выделение языка в качестве особо-

го типа знаков. Этот принцип обусловил исследование конкретных языков, а также естественных (Гердер) и общественных причин (Локк, Кондорсэ) их существования. Идея развития Д. Вико была распространена и на язык, благодаря чему общее учение о знаках приобрело строго научный характер.

3. Коммуникативная функция как важнейшая функция знаков вообще. В связи с этим были определены в общих чертах сферы употребления тех или иных знаков (Локк, Лейбниц). Благодаря этому проблема природы языка определилась как научная, а не только философская или логическая проблема (Гердер). В целом это были совершенно новые идеи, направленные против многовековой доктрины языка как замкнутой логической конструкции, не имеющей никакого аналога среди других объектов действительности, конструкций, элементы которой абсолютны, обусловлены и регламентированы «высшим» установлением (Фома Аквинский) или сознанием (Декарт).

Эти новые идеи были не только восприняты Гегелем, но синтезированы им, так сказать, на высшем уровне европейской науки. Подчеркиваем, что в философии Гегеля знаковая концепция в силу конкретности анализа является в большей мере, чем философия языка В. Гумбольдта, научной лингвистической теорией, сформулированной на основе фундаментального рассмотрения соотношения между языком и мышлением в форме отношения языкового знака и значения.

Нам представляется, что сам конкретный характер анализа природы языкового знака и значения осуществлен впервые именно Гегелем.

Согласно Гегелю, сила воображения, воспроизводя образы (ощущения), заставляет их подниматься «на поверхность» сознания по трем ступеням, или обуславливает наличное бытие образов в трех формах диалектического перехода: 1) образы вступают в сферу наличного бытия на основании чисто формальной деятельности сознания; 2) наличные образы вступают в отношение друг с другом, чем осуществляется ассоциация образов, т. е. преобразование их в общие представления; 3) общие представления отождествляются с тем, что есть особенного в том или ином образе, т. е. получают определенность в себе; на этом уровне сознание (разум) стремится определить сам себя как сущее, т. е. как «вещь»; будучи деятельным объектом (силой), сознание проявляет себя «вовне» тем, что порождает созерцание при помощи знаков.

Это существенный момент не только для понимания диалектики мышления, но и для природы знака, языка и значения как выражение мышлением себя «вовне» при помощи знаков; это необходимый внутренний процесс диалектики мышления, поскольку последнее по ряду причин внешнего (био-

логического, социального, этического и эстетического) характера достигло условной третьей ступени своего воспроизведения.

Здесь нет возможности дать развернутую критику онтологической концепции «идеи» Гегеля, которую автор данной работы рассматривает в соответствии с принципами диалектического материализма. Но сама диалектичность гегелевской триады в рамках индивидуального сознания не вызывает возражения в общеметодологическом (не в конкретно-физиологическом) плане. Вместе с тем этот тезис Гегеля имел принципиальное значение для методологии сравнительно-исторического языкознания.

Тезис этот был направлен против отождествления языка и мышления в одном объекте. Развернутая Гегелем диалектика движения сознания от «образа» к «идее» и необходимость языка лишь на высшей ступени этой диалектики требовала обоснования природы как языка, так и мышления, и характера отношения (связи) между ними. Однако боязнь диалектики привела к тому, что в психологических, эстетических и лингвистических доктринах эта триада Гегеля была сразу же абсолютизирована: каждая из ступеней была отождествлена с соответствующим «типом» индивидуального сознания в рамках всего человечества, и к каждому типу была привязана та или иная форма языкового знака — «образная» (аморфная), «аналитическая», «синтетическая». Морфологическая классификация языков Ф. Шлегеля — наиболее яркий пример метафизической интерпретации триады Гегеля. В дальнейшем в чисто семиотическом аспекте эта триада была реализована Ч. Пирсом и Ч. Моррисом.

Анализируя природу языка, Гегель приходит к положению о знаковом характере этого объекта и о произвольности, условности связи между языком и мышлением, знаком и значением: «Поскольку же далее освободившееся от содержания образа общее представление становится чем-то созерцаемым в произвольно избранном им материале, оно порождает то самое, что — в определенном различии от символа — следует назвать знаком. Знак следует рассматривать как нечто весьма важное. Если интеллигенция (сознающий себя разум. — А. В.) что-нибудь обозначила, то она тем самым покончила с содержанием созерцания и дала чувственному материалу в качестве его души чуждое ему самому значение. Так, например, кокарда, флаг или надгробный камень означают нечто совсем иное, чем то, на что они непосредственно указывают. Выступающая здесь произвольность соединения чувственного материала с общим представлением имеет своим необходимым следствием то, что приходится сперва научиться понимать значение знаков. В особенности это справедливо о знаках языка»¹³.

Таким образом, произвольность знака и категорий «интеллигенции» имеет своим следствием то, что последняя лежит за пределами знака вообще и знака языка в частности. Диалектическое рассмотрение знака и мышления приводит Гегеля к важному тезису, что знак «как таковой» и «собственное содержание» мышления не имеют «между собой ничего общего»¹⁴. В связи с этим, по мнению Гегеля, рассмотрение знака и языка «где-нибудь в психологии или в логике в качестве приложения», а не в рамках особой науки о языке, не является научным, поскольку онтологически знак и язык обладают своей собственной спецификой как особые чувственные и социальные объекты¹⁵.

Таким образом, на основе знаковой концепции языка Гегель, по существу, впервые («Философия духа» была опубликована в 1817 г.) теоретически обосновал необходимость науки о языке как самостоятельной науки, отличной от психологии и логики. Строгое разграничение этих трех наук было вновь «затемнено» В. Гумбольдтом.

Следует решительно подчеркнуть, что именно Гегель во всей глубине определил специфику собственно языка в отличие от его графического эквивалента при помощи «иероглифов» или на более совершенном уровне — при помощи «букв»: «Если бы о языке нужно было говорить конкретным образом, то в отношении к его материалу (словесному составу) следовало бы вернуться к антропологической, точнее психофизиологической точке зрения... Собственно элементарное само основывается не столько на символике, относящейся к внешним объектам, сколько на символике внутренней, именно на антропологической артикуляции, как бы на некоторого рода жесте телесного рече-выражения»¹⁶.

Результатом артикуляции являются звуки, сочетание которых, запечатленное рассудком, образует формальную систему звукового языка, и в этом смысле материальные элементы языка выступают в качестве знаков¹⁷.

В соответствии с этим и «видимый» (графический) язык относится к звуковому, в свою очередь, только как знак¹⁸. В связи с таким пониманием природы языка, из которой Гегель исключил содержание интеллигенции (сознания), он решительно отвергает методы философской грамматики и филологической этимологии отыскания в каждом гласном, согласном и их сочетаниях особо присущего им значения¹⁹. Этот метод, согласно Гегелю, как и концепция вхождения значения в знак, обязана не научному подходу к языку, а обычному здравому смыслу, которому вполне простительно забвение того, «что представляют собой имена как таковые, а именно, что сами по себе они суть лишенные всякого смысла внешности, лишь в качестве знаков приобретающие известное зна-

чение,— тогда вместо настоящих имен стали требовать выражения своего рода дефиниций»²⁰.

И именно эти дефиниции имен стали восприниматься как значения, присущие будто бы природе самих имен. В связи с этим Гегель формулирует и свою концепцию значения как отношения сознания к знакам: значение, согласно Гегелю,— это то особенное в общем представлении, что отождествляется с каким-либо конкретным образом; последнее может быть выражено знаками языка в качестве дефиниции (определения) того или иного конкретного языка (имени того же языка). Таким образом, значение как категория неязыковая, мыслилась Гегелем существующей в рамках индивидуального сознания.

И тем не менее общая гегелевская концепция самоотчуждения идеи, или «абсолюта», мыслящегося не только как субстанция, но и как субъект, так сказать, поглотила частную научную проблему и, согласно общей доктрине Гегеля, идея, включающая в себя и значение в конечном счете овеществляется в языке и знаке. Именно в этом общем смысле доктрина Гегеля о двойственной природе языка в целом была воспринята В. Гумбольдтом.

Философия Гегеля — это последний этап в истории науки, когда теоретические вопросы языка и знака рассматривались исключительно в рамках философии. Вместе с тем современные теоретики языковедения совершенно неосновательно предают забвению этот период, начиная рассмотрение истории языкознания как особой науки со своей теорией и методом с В. Гумбольдта, который, по нашему мнению, не был оригинальным ни в одной из своих идей. Европейское языкознание обязано ясности своих принципов и гибкости сменяющих друг друга методов именно тому обстоятельству, что важнейшие теоретические понятия лингвистики, и прежде всего наиболее трудные и сложные по самой своей природе семиотические понятия, легшие в основание сравнительно-исторического метода, были разработаны в величайших философских и логических доктринах конца XVII — начала XIX в. Этот процесс вполне аналогичен начальному этапу в истории науки о языке: успех древнегреческой и латинской грамматики объясняется именно тем, что греческие философы «точно определили грамматические категории своего языка; грамматики хорошо описали диалектальные особенности литературных текстов»²¹.

И только боязнь диалектики Гегеля можно объяснить тот факт, что его семиотико-лингвистическая концепция номинально игнорируется не только современной ему лингвистикой и семиотикой, его имя даже не упоминается, например В. Гумбольдтом, который во всем существенном исходит из

Гегеля. Но всему существенному в концепции В. Гумбольдта не хватает гегелевской ясности и фундаментальности.

Объяснение языка и знака через психические, этнические и социальные структуры занимают основное место в теоретических построениях Гумбольдта, в связи с чем он формулирует мысль о синтезе «формального» и «духовного» начала в структуре языка. В этом своем стремлении Гумбольдт заходит столь далеко, что саму интеллектуальную деятельность включает в структуру языка. Поэтому обучение языку одновременно представляется ему и процессом приобретения мировоззрения, а употребление языка — выражением мировоззрения именно такого типа, какой заложен в структуре языка. Таким образом, В. Гумбольдт сформулировал концепцию двусторонней природы языка и языкового знака в конкретно-научной области — в лингвистике.

В. Гумбольдт воспринял и гегелевскую триаду мышления, но лишил ее диалектики, в силу чего ступени этой триады предстают в концепции В. Гумбольдта не как разные уровни диалектики мысли, а как разные типы мышления, которые реализуются в разных структурах языков: типологическая классификация языков В. Гумбольдта является отражением этого философского принципа.

Гносеологическая концепция языка и знака В. Гумбольдта имела своим следствием взгляд на язык как на исключительное и неповторимое по своей природе явление, обладающее своей внутренней силой, т. е. явление, творящее дух. Этот взгляд обусловил, с одной стороны, ничем не аргументированную методологию прямого сопоставления языка с социальными (О. Конт, Э. Дюркгейм) и естественными явлениями (А. Шлейхер, М. Мюллер, А. Будилович), а с другой — забвение лингвистами иных систем знаков — социальных и биологических, с которыми язык связан и которые связаны с языком по своей природе и генетически, и функционально.

Именно этим объясняется тот, на первый взгляд, странный факт, что общая теория знака развивалась в течение XIX в. в рамках логики (Ч. Пирс, Э. Гуссерль) и физиологии (В. Вундт, Г. Гельмгольц, И. М. Сеченов, Э. Геккель, В. М. Бехтерев), а не в лингвистике.

Дело в том, что в обоих направлениях лингвистики XIX в. — в психологическом и натуралистическом — язык рассматривался не с точки зрения его коммуникативной природы, а с точки зрения его психического или биологического эволюционизма, что обусловило рассмотрение элементов языка в качестве фактов психики или живого организма.

И вполне естественно, что усилия отдельных представителей этих направлений преодолеть крайности психологизма и натурализма и тем самым определить лингвистический объект, исходя из его собственных свойств, неизменно приво-

дили лингвистов к знаковой природе элементов языка и к сопоставлению языка с другими знаковыми системами, завершением чего явились семиотические теории языка Ф. Ф. Фортунатова и Ф. де Соссюра.

Вплоть до Ф. Фортунатова и Ф. де Соссюра лингвисты сосредоточивали свое внимание на проблеме типологии языков — родственных и неродственных, т. е. исследуя общность их происхождения и степень этого родства, с одной стороны, и характер их строя — с другой. Обе классификации, по существу, являются семиотическими, однако неразработанность общей теории знаков, в частности и теории лингвистической семиотики, обусловило тот факт, что так называемая морфологическая классификация представляет собой классификацию не по «характеру строя» (структуры), т. е. классификацию не языков, а одного из типов знаков, который принято называть словом в разных языках мира ²².

Необъективность такой классификации, восходящей к концепции Гумбольдта о двусторонней природе языка и о слове как его центральной и основной единице, теперь совершенно очевидна ²³. В связи с этим ставится вопрос о необходимости выявления наиболее общих признаков языковых структур, или языковых универсалий ²⁴, т. е. об обращении к фундаментальному принципу пазиграфии Лейбница.

Морфологическая классификация языков оказалась несостоятельной перед лицом современного понятия структуры, но, по-видимому, интерес к данной проблеме был тем путем, который привел лингвистику к этому коренному понятию современной науки, что само по себе является хорошим аргументом против мнения о ненаучном характере типологии языковых знаковых структур ²⁵.

В связи с этим, однако, проясняется один из важных принципов общей семиотики: семиотическая типология должна строиться на принципе изоморфизма и различия знаковых структур, а не отдельных типов знаков.

А между тем опыт лингвистической типологии был воспринят логиками и физиологами односторонне, по аналогии с принципом морфологической классификации, где основанием было избрано слово, в котором, как представлялось до недавнего времени, отражаются все свойства языковой структуры. Поэтому общая классификация знаков строилась на сопоставлении отдельных знаков, и язык в этой классификации был представлен тем же «универсальным» языковым элементом — словом.

В языкознании XIX в. выход за рамки языковой типологии знаков был связан прежде всего с проблемой происхождения языка, которая представлялась наиболее существен-

ной проблемой для представителей психологического направления. Следует, по-видимому, отметить, что более широкая концепция языка как системы знаков, соотносимой с другими знаковыми системами, была предложена В. Вундтом²⁶.

Согласно Вундту, звуковой язык представляет собой лишь одну из форм трансформации психики индивида. В основе всех форм выявления психики лежит физиологический жест или мимика. Отсюда следует три существенных вывода: первый заключается в том, что по своей природе все физиологические жесты, связанные с выявлением психики, одинаковы (причиной звука является артикуляционный жест), в силу чего первоначальной формой коммуникации является система знаков — жестов.

Поскольку между психической деятельностью человека и высших животных в самом механизме психики нет принципиальной разницы, постольку вторым выводом из этой общей физиологической посылки является признание общности природы знаков, которыми пользуются человек и высшие животные.

Положительной стороной этой концепции представляется нарушение жесткой схемы, разграничивавшей человека, с одной стороны, и высших животных — с другой, следовательно, и жесткого разграничения биологических и социальных знаков. Эта положительная идея оказала значительное влияние на науку, следствием чего была целая серия исследований «языка» высших животных. Неудачи, постигавшие ученых на этом пути в течение XIX — начала XX в., объясняются не только уровнем развития физиологии. Дело в том, что сопоставления языковых и неязыковых средств коммуникации шло на уровне не структур, а отдельных знаков: слово сопоставлялось с отдельными знаками высших животных, что при объективном анализе приводило к выводу о несопоставимости языка с биологическими коммуникативными системами. Однако общий семиотический принцип природы элементов языка, выдвинутый Вундтом, нашел поддержку со стороны физиологов, продолжавших исследование психики на физиологической основе (И. М. Сеченов, Г. Гельмгольц, В. М. Бехтерев, И. П. Павлов).

Третьим выводом из общей посылки Вундта является признание неязыковой природы значения, смысла, содержания, которые, будучи принадлежностью психики, остаются, согласно Вундту, в рамках последней и не переходят в структуру знака-жеста. Последний принцип был аргументом против концепции двусторонней природы языкового знака В. Гумбольдта и нашел признание лишь у тех представителей психологического направления, которые стремились к онтологическому определению языка, т. е. стремились избежать крайности концепции В. Гумбольдта и вытекавшей из нее тенденции пре-

дельно психологизировать и интеллектуализировать язык. К числу таких лингвистов относится А. А. Потебня, который восстановил диалектическую триаду Гегеля «образ — представление — идея» и на этой основе выдвинул своеобразную концепцию двуступенчатой природы знака: первая ступень знака является психической ступенью, на которой знак является представлением, т. е. существует в психике; вторая ступень — это выявление знака-представления в жесте или в звуке. Соответственно этому «звук в слове, согласно Потебне, это форма знака, это, так сказать, знак знака»²⁷.

Таким образом «значение» — это знак, существующий в психике как представление, и тем самым значение в этом смысле выводится Потебней за пределы материальной формы языка или, как теперь принято говорить, за пределы плана выражения. Эта сторона знаковой концепции Потебни была воспринята и развита Ф. Ф. Фортунатовым в его учении о звуковой форме как преимущественно о семиотической природе элементов языка. Несмотря на декларативное заявление представителей психологического языкознания, что основной единицей языка является предложение, в котором формируются все элементы языка, несмотря на это, представление о системном характере языка оставалось, по существу, не реализованным и единственным знаком, рассматривавшимся лингвистами этой школы, оставалось слово.

Представители биологического направления по существу своей основной идеи исключали рассмотрение элементов языка в качестве знаков. Несостоятельность исходной посылки натурализма основывается на логической ошибке, обнаруживающейся в том, что язык сравнивался непосредственно и прямо с живыми организмами и их функциями, тогда как сравнение языка допустимо лишь с коммуникативными системами живых организмов. Некритическое принятие представителями натуралистического направления дарвиновского эволюционизма было столь ослепляющим, что А. Шлейхер и его последователи не оценили плодотворности идеи В. Вундта о природе знака-жеста, хотя бы в рамках выявления психики индивида. Однако, несмотря на порочность основных идей натурализма в общетеоретическом плане, следует отметить тот факт, что сравнение языка с живыми организмами способствовало укреплению общего взгляда на язык как на объект, обладающий своей внутренней организацией, части которой «органически» обусловлены друг другом. Это тем более очевидно, что, исходя из понятия системности языка, Шлейхер постоянно стремился к установлению наиболее общих языковых знаков (понятие звукового знака во всем существенном сформировано именно Шлейхером), в том числе и к выявлению универсальных признаков, присущих, например, фонетическим системам всех языков мира.

Современная концепция языковых универсалий, или, как она называется в предлагаемой работе, языковой универсализм, представляет собой, по нашему мнению, развитие идеи Лейбница — Шлейхера. Критика натуралистической школы со стороны младограмматиков очистила общие взгляды на язык от крайностей натурализма, сохранив и обосновав общую идею об органичности системы языка, хотя и в рамках фонетических законов. Обоснование фонетических законов вместе с тем было решительным шагом в сторону разработки методов формализации языковой системы и утверждения дедуктивных методов в языкознании. Именно критика натурализма привела Бодуэна де Куртенэ к понятию языковой структуры и к убеждению в возможности ее описания дедуктивными методами, поскольку язык, как и каждая структура, обладает строгими правилами и конечным числом этих правил. Вместе с тем обоснование понятия системности (структурности) лингвистического объекта привело представителей различных школ младограмматизма к выводу о неязыковой природе значения как элемента структуры психики (сознания). Этот тезис не является ведущим в учениях младограмматиков, рассматривавших язык преимущественно на фонетическом уровне. Однако он свидетельствует о том, что концепция двусторонней природы знака В. Гумбольдта тем более подвергалась сомнению, чем более аргументировалась концепция специфики языка знаковой структуры, в определенных отношениях тождественной другим знаковым структурам.

Интересно отметить, что в конце XIX в., когда выявление специфических свойств лингвистического объекта выдвинуло проблему его социального, логического и физиологического осмысления, лингвистика и логика вновь нашли общую точку соприкосновения в рамках семиотики. Коммуникация, логика и физиология оказались теми тремя измерениями природы языкового знака, без которых дальнейшее развитие каждой из этих наук не могло уже быть плодотворным.

С конца XIX века логика и лингвистика обнаруживают все усиливающийся интерес к семиотике, интерес, обусловленный спецификой этих двух наук: лингвистика, отталкиваясь от формальной стороны языка, стремится установить связи и отношения знаков с содержанием, смыслом, значением; логика, оперируя категориями сознания, осуществляет разносторонние поиски выражения содержания, смысла, значения при помощи знаков, в том числе и знаков языка.

Логика (Ч. Пирс, Г. Фреге и др.) и общая психология (В. Вундт, Э. Гуссерль) делают первыми шаг в сторону переосмысления идей Локка и Лейбница, обращаясь к идее общей семиотики на основе различных принципов классифика-

ции знаков, неизменно включающих и знак естественного языка.

Следует, однако, подчеркнуть, что в логических концепциях само понятие знака выступает в абстрактной, резко дематериализованной форме. В феноменологической концепции Гуссерля это смешение онтологического и гносеологического аспектов знаковой проблемы нашло свое наиболее последовательное завершение.

Противопоставление мысли и чувства, с одной стороны, и определение «данности» (действительности) в рамках чувственного восприятия, с другой, является основанием его феноменологической теории познания. В соответствии с этим Гуссерль строит свою концепцию знака как учение о выражении и значении²⁸, в соответствии с чем разделяет все знаки, независимо от того, какой структуре они принадлежат, на знаки-«показатели» и знаки-«обозначающие». Эта двухплановая концепция знака, продолжающая линию В. Гумбольдта и предполагающая логическое включение значения в знак, а точнее — их взаимный переход друг в друга, реализуемый в духовной жизни человека²⁹, приобрела в дальнейшем широкое распространение в идеалистических построениях семиотики.

В рамках процесса познания, согласно Гуссерлю, знак принципиально включает в себя содержание, которое, однако, может быть чувственным, эмоциональным выражением или логическим значением. Абстрактный характер знаковой концепции Гуссерля и явная дематериализация знака оказали значительное влияние на лингвистику, особенно на концепцию языка || речи Ф. де Соссюра, а учение о выражении и значении в терминах *план выражения* и *план содержания* было буквально воспринято Л. Ельмслевым. В советском языкознании тезис Гуссерля об абсолютном разделении чувственного и логического аспектов знака нашел отражение в разделении значений на «нейтральное» и «экспрессивное».

Параллельно и независимо от Гуссерля создал свою семиотику Ч. Пирс. Несмотря на запоздалую известность³⁰ и популярность в современной логике и лингвистике³¹, семиотика Ч. Пирса не имеет ни строгого научного основания в определении самого знака, ни логического основания в классификации знаков, хотя она и принадлежит логике. И это вполне естественно, если учесть, что Ч. Пирс — основоположник философского прагматизма³² и его понятие истины определяется критерием здравого смысла. Семиотика Пирса, которую формально он определяет по Локку³³ (хотя при этом ни в одной из статей Пирса, собранных в «Collected Papers», нет даже упоминания о Локке), строится на следующих основаниях: поскольку главная цель логики — сделать наши мысли (высказывания) ясными³⁴, постольку, во-первых, сле-

дует признать, что наши убеждения — это правила для действия или высказывания, во-вторых, чтобы выяснить смысл, необходимо определить способ действия или высказывания. Так как логика имеет дело с высказываниями, то их истинный смысл, согласно Пирсу, зависит от того выбора подходящих знаков, которые и представляют собой способ высказывания. Ч. Пирс конструирует систему, состоящую из 60 типов знаков, разделенных на 10 разрядов³⁵. То или иное высказывание, истинность которого определяется правилами избранного действия или убеждения, и должно осуществляться на основе выбора той или иной комбинации знаков из системы, предложенной Пирсом. Как и в классификации Гуссерля, знаки определяются безотносительно к конкретной системе, поэтому в каждой знаковой системе наличествуют все 60 типов знаков: «Знак или заместитель есть нечто, замещающее для кого-либо что-либо в смысле некоторого отношения или свойства»³⁶.

Учение Э. Гуссерля о выражении и значении и определение Ч. Пирсом знака в качестве отношения — это два принципа, на основе которых философский и лингвистический ментализм строит теорию семиотики.

Знаковую концепцию Пирса можно определить как прагматическую интерпретацию семиотики Локка. Стремление современных лингвистов и некоторых философов превратить Пирса в создателя семиотики объясняется или некритическим принятием знаковой концепции Соссюра, в которой определение знака в качестве отношения несовместимо с материалистическим определением знака, или же явной недооценкой материалистической тенденции, идущей от Локка, в истории семиотики и смещением онтологического и гносеологического аспектов знаковой проблемы³⁷.

В конце XIX — начале XX в. на лингвистическую концепцию знака оказала влияние физиология высшей нервной деятельности. Изучение высшей нервной деятельности человека привело к выводу о тесной связи процессов, происходящих в головном мозгу, прежде всего с «естественным» языком, а не с абстрактными знаками и их классификациями вне зависимости от той системы, в которой те или иные знаки функционируют.

Для лингвистики это вторжение физиологии, точнее естественных наук (включая и математику) на их достаточно высоком уровне развития, имело следующие важные приобретения.

Во-вторых, укрепляется взгляд на языковой знак как на материальный объект. Эта тенденция находит отражение в знаковой концепции Ф. Фортунатова³⁸ и его школы, сложившейся под непосредственным влиянием идей И. М. Сеченова, В. М. Бехтерева и И. П. Павлова. Следствием

этого было строгое разграничение языка как артикуляционно-фонетического знакового феномена и его графического знакового эквивалента³⁹, с одной стороны, и стремление к анализу и описанию различных типов языковых знаков (звук, слог, такт, фраза) и их формальному определению (фонема, морфема, слово, предложение) — с другой.

Школы Н. С. Трубецкого⁴⁰, Л. Блумфилда⁴¹ и работы А. Мартине⁴² представляют собой развитие материалистической тенденции в теории лингвистической семиотики.

Выражением этой материалистической тенденции, основанной на анализе типов языковых знаков, является концепция А. Мартине и ряд работ по семиотике советских ученых.

Во-вторых, в качестве одного из важнейших теоретических понятий лингвистики постепенно складывался взгляд, согласно которому «язык как совокупность» знаков (Ф. Ф. Фортунатов) или как «система» знаков (Ф. де Соссюр) должен изучаться в сопоставлении с другими, неязыковыми знаками. Соссюр эту идею сформулировал следующим образом: «Можно таким образом мыслить себе науку, изучающую жизнь знаков внутри жизни общества: такая наука явилась бы частью социальной психологии, а следовательно, и общей психологии; мы назвали бы ее «семиологией»⁴³. Как и у Ч. Пирса, определение семиологии у Соссюра буквально совпадает с семиотикой Локка, но представляет собой ее дуалистическую философскую, социологическую и психологическую интерпретацию⁴⁴. Бытующие среди лингвистов представления о Соссюре как основоположнике семиотики⁴⁵ совершенно неосновательны ни исторически (его предшественниками были Д. Локк и Ч. Пирс), ни по существу. Ф. де Соссюр не развивал тех семиологических идей, которые были уже сформулированы до него: его собственным новшеством была лишь глухая ссылка, что язык как семиологическая система является прототипом всех других семиологических систем; с точки зрения науки даже его времени это утверждение представлялось проявлением крайнего антропоморфизма, противоречащего данным науки⁴⁶.

Эта общая семиологическая идея Соссюра и определение знака в качестве первичного и нематериального феномена («универсума» — сознания Э. Кассирера)⁴⁷ была реализована Ч. Моррисом, в свою очередь также объявленного основоположником семиотики⁴⁸.

Семиотика Ч. Морриса продолжает, с одной стороны, логический аспект знака, сформулированный Ч. Пирсом, и, с другой, имеет своим основанием социологический аспект познания в целом в той его форме, как этот последний разрабатывался в прагматической философии У. Джемса⁴⁹ и в инструменталистской философии Д. Дьюи⁵⁰.

И в связи с этим семиотика Ч. Морриса⁵¹ должна рассматриваться не как научная, а как философская доктрина в рамках ментализма в целом.

Согласно этой доктрине значение сводится к социальному опыту, точнее — к содержанию этого «опыта», включающего в себя и действительность и познающего эту действительность субъекта (сознание). Это содержание опыта выступает в качестве значения (meaning), а поскольку значение как составная часть опыта выявляется лишь в социальном контексте или поведении, постольку теория познания принципиально оказывается «социологией познания». Принципиальной характеристикой познания, представляющего компонент опыта, является его опора на различные знаковые «модусы», т. е. «социология познания» определяется в качестве языкового поведения, раскрывающегося в свою очередь как содержание опыта или значения (meaning). Действительность, включающая в себя и значение и знаковые «модусы», познается и через эти последние; поскольку же и значение и знаки включаются через опыт в действительность, постольку и объекты действительности выступают для сознания в виде знаков. С этой точки зрения, восходящей к эмпириокритицизму Э. Маха, любые типы знаков — социальные и биологические — представляются фактом поведения или опыта в смысле содержания этого опыта или значения (meaning).

Поэтому Ч. Моррис находит возможным свести громоздкую классификацию знаков Г. Пирса в универсальную семиотическую модель, в которой значение вообще (как компонент опыта), обозначаемое символом M , складывается из следующих «модусов»: M_e — отношение знака к предмету познания (семиотика), M_p — отношение знака к носителю (прагматика), M_f — отношение знаков в системе (синтактика), а в общем виде: $M = M_e + M_p + M_f$ ⁵². Сущность этой менталистской семиотической доктрины заключается в том, что чисто логически, по определению, значение включается в знак, и таким образом и знак и значение оказываются взаимозаменяемыми элементами опыта и объектами «социологии познания». Историки американской философии утверждают, что значительным вкладом Ч. Морриса в философию является его анализ природы и функционирования знаков, особенно в разграничении синтаксиса, семантики и прагматики. Против этого утверждения можно привести следующий аргумент, снимающий всю ценность универсальной семиотической модели Ч. Морриса: он осуществил не анализ знаковых систем, а синтез знака и значения, т. е. свел в один объект различные по своей природе и функциям объекты, благодаря чему в его интерпретации в значении вообще (M) «растворились» действительность (прагматика), сознание (семантика) и знаковые системы (синтактика).

И если это вклад, то он в высшей степени незначителен в огромной литературе, посвященной символической теории познания. Что же касается чисто лингвистической стороны проблемы, то внешняя стройность универсальной модели Ч. Морриса обманчива, так как представляет собой чисто традиционный, восходящий к В. Гумбольдту, взгляд на природу знака как на «оболочку» или «вместилище» значения. Если же принять семиотику Ч. Морриса с поправкой на природу знака как самостоятельного по отношению к мышлению (следовательно, и к значению) объекта, то в пользу этой универсальной модели следует сказать следующее: она направлена против жесткой классификации знаковых систем по их носителю и тем самым разрушает основной принцип философского ментализма, так как предполагает, что и животные, обладающие знаковыми системами, «вносят» в действительность свое значение как элемент своего «биологического поведения». Но в этом случае и лингвисты, опирающиеся на семиотическую модель Ч. Морриса, должны признать, что представление об исключительности человеческого языка среди объектов действительности является всего лишь красивой иллюзией, и аргументировать природу знака и значения на строго материалистической основе, т. е. в полном соответствии с современными физическими и физиологическими теориями о единстве мира и его закономерностей.

Рассмотренное в данной главе развитие основных семиотических идей и их функциональный характер, определивший формирование лингвистики как отдельной науки, осознавшей свой предмет и метод, ставит проблему синтеза, принципов «традиционной» и структурной лингвистики. Стремление отдельных, хотя бы и крупных, лингвистов начала XX в. опереться на общее учение о знаках, или семиологию, не нашло соответствующей поддержки ни со стороны последователей Ф. Ф. Фортунатова, ни среди учеников Ф. де Соссюра. В известной мере это объясняется тем, что сами основоположники современной лингвистики не развернули необходимой аргументации в пользу определения науки о языке в качестве одной из семиотических дисциплин. Даже последовательные представители «формальной школы» и соссюрианцы, признавая ценность самой идеи «общего учения о знаках», или «семиологии», в своих теоретических построениях специально не уделяли внимания обоснованию тезиса о месте лингвистической семиотики в рамках общей семиотики.

Именно этим объясняется тот факт, что определение языка в качестве системы знаков долгое время встречало неприемлемое отношение со стороны части лингвистов, принимавших остальные основные идеи Ф. Ф. Фортунатова и Ф. де Соссюра. Именно поэтому в условиях, когда семиотические идеи получают признание, представляется необходи-

мым осуществить рассмотрение самих оснований лингвистической семиотики как особой теоретической проблемы.

И тем не менее возвращение к идеям знакового универсализма Локка, Лейбница и Гегеля представляет несомненное приобретение не только для математической логики, но и для современной лингвистики: «На современном уровне разработки методологических проблем языкознания как в синхронном, так и в диахронном планах ... настало время создать работы обобщающего характера самого широкого плана»⁵³.

Создание таких работ требует, прежде всего, критического переосмысления коренных проблем, связанных с природой знака и значения.

БИБЛИОГРАФИЯ

к главе второй

1. Р. Шор. Послесловие к «Истории языковедения до конца XIX века» В. Томсена. М., Учпедгиз, 1938, стр. 112.
2. В. Бехтерев. Общие основы рефлексологии человека. Пг., 1923, стр. 327.
3. См. Д. Локк. Опыт о человеческом разуме, кн. III, гл. I. Избранные философские сочинения, т. I. М., Соцэкгиз, 1960.
4. Там же, гл. III.
5. Там же, стр. 128—141.
6. Там же, гл. II и XI.
7. Там же, стр. 694—696.
8. Н. Винер. Кибернетика и общество. М., ИЛ, 1958, стр. 32—33.
9. См. Г. В. Лейбниц. Новые опыты о человеческом разуме. М.—Л., Соцэкгиз, 1936.
10. См. К. Фишер. Лейбниц. История новой философии, т. III. СПб., 1905.
11. Жак Пуайен, Жанна Пуайен. Электронный язык. М., Изд-во физ.-мат. лит.-ры, 1963, стр. 78—79.
12. См. И. Г. Гердер. Трактат о происхождении языка. «Избранные сочинения». М.—Л., Гослитиздат, 1959.
13. Гегель. Философия духа. Соч., т. III. М., Госполитиздат, 1956, стр. 265.
14. Там же, стр. 266.
15. Там же.
16. Там же, стр. 267.
17. Там же, стр. 267—268.
18. Там же, стр. 271.
19. Там же, стр. 267.
20. Там же, стр. 268.
21. А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., Соцэкгиз, 1938, стр. 446.
22. П. С. Кузнецов. Морфологическая классификация языков. Изд-во МГУ, 1954, стр. 5.
23. См. Э. Сепир. Язык. Введение в изучение речи. М.—Л., Соцэкгиз, 1934; П. С. Кузнецов. Цит. соч., стр. 5; Б. А. Успенский. Причины структурной типологии. Изд-во МГУ, 1962.
24. «Universals of Language». Cambridge, Mass., 1963.
25. См., например, J. H. Greenberg. Предисловие к сборнику «Universals of Language».

26. См. В. Бундт. Физиология языка. СПб., 1864.
27. А. А. Потеня. Из записок по русской грамматике, тт. I—II. М., Учпедгиз, стр. 16.
28. E. Husserl. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis, Bd., III. Halle, 1901.
29. E. Husserl. Logische Untersuchungen, Bd. I. Halle, 1913, SS. 91—126.
30. См. А. Шафф. Введение в семантику. М., ИЛ, 1963, стр. 187.
31. «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем». М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 32.
32. См. В. Джемс. Прагматизм. СПб., 1910.
33. Ch. Peirce. Collected Papers, vol. II, § 227.
34. См. В. Джемс. Цит. соч.
35. Ch. Peirce. Op. cit., § 243 (см. 33).
36. Ibid., § 228.
37. См. А. Шафф. Цит. соч., стр. 296—304.
38. См. Ф. Ф. Фортунатов. Избр. труды по языкознанию, т. I. М., Учпедгиз, 1956, стр. 112—117.
39. См. А. М. Пешковский. Сборник статей. Л., 1925. Статья 10 000 звуков; Л. П. Якубинский. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики. В сб. «Языкознание и материализм», вып. II. М.—Л., 1931.
40. См. Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., ИЛ, 1960.
41. L. Bloomfield. Language. New York, 1933.
42. См. А. Мартине. Основы общей лингвистики. В сб. «Новое в лингвистике», вып. III. М., ИЛ, 1963.
43. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., Соцэкгиз, 1933, стр. 40.
44. См. Л. П. Якубинский. Цит. соч. (см. 39); А. Г. Волков. О теоретических основаниях дихотомической гипотезы *языка-речи* Ф. де Соссюра. «Вестник МГУ», серия филология, журналистика, 1964, № 2.
45. См. В. А. Звегинцев. Неопозитивизм в лингвистике. В сб. «Философия марксизма и неопозитивизм». Изд-во МГУ, 1963.
46. См. Ф. де Соссюр. Цит. соч., стр. 79.
47. E. Cassirer. Philosophie der symbolischen Formen, Bd. 3. Berlin, 1923, SS. 8—15.
48. См. Л. О. Резников. Гносеология прагматизма и семиотика Ч. Морриса. ВФ, 1963, № 1.
49. См. У. Джемс. Прагматизм (см. 32).
50. См. Д. Дьюи. Психология обучения. М., 1908.
51. Ch. Morris. Foundations of the Theory of Signs. Chicago, 1938.
52. Ibid., pp. 2—56.
53. J. Greenberg. Предисловие к сб. «Universals of Language». Cambridge, Mass., 1963.

III

НЕКОТОРЫЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМИОТИКИ

Тезис о семиотической природе элементов языка, являющийся дискуссионным в истории науки и философии, в настоящее время следует признать доказуемым.

Однако обоснование этого тезиса является не конечной задачей науки, а лишь одной из предпосылок развертывания теории лингвистической семиотики. Теперь совершенно очевидно, что рассмотрение языка как семиотической структуры и языков как семиотически однородных структур должно иметь своим основанием соответствующую теорию, непротиворечиво построенную и хорошо приспособленную для объяснения лингвистических фактов как семиотических фактов. Из этого следует, что лингвистическая семиотика должна согласовываться с общей семиотикой, или абстрактной теорией знаков, поскольку доказан и другой фундаментальный факт — изоморфизм объектов, определяемых терминами *символ*, *сигнал* и *знак*. Эти современные научные понятия — знаковая природа элементов языка и изоморфизм знаковых объектов — порождают ряд проблем, которые не могут быть решены только в свете тех семиотических построений, которыми до сих пор обходились лингвистика, логика, эстетика и психология, поскольку само развитие этих наук, значение этих наук для других областей знания и взаимное влияние современных наук друг на друга выдвигают новые теоретические и практические задачи, решение которых зависит от реальных успехов таких дисциплин, как математическая лингвистика и семиотика.

В связи с этим и возникает необходимость рассмотрения семиотических проблем прежде всего как теоретических проблем тех наук, которые исследуют семиотические объекты. Среди этих наук ведущее место занимают лингвистика и логика, в которых на протяжении многих столетий рассматривается проблема природы знака и значения.

Принципы и методы, выработанные в рамках этих наук, могут быть полезными для общей семиотики. Однако лингвис-

тика долгое время ограничивалась изучением языка без систематического обращения к свойствам других знаковых систем. Так, считалось, что природа языковых знаков может быть исследована без обращения к так называемым биологическим знакам или сигналам.

Вместе с тем некоторые чисто лингвистические проблемы, и прежде всего определение самого понятия «язык» в его специфике как артикуляционно-фонетический знаковый объект, требуют своего решения именно в связи с биологическими знаковыми системами. В числе этих проблем находится и проблема происхождения языка, которая вообще была снята в качестве лингвистической проблемы только потому, что лингвисты оперировали преимущественно данными лингвистической археологии, которая не проливала ни малейшего света на первые шаги языка.

Таким образом, построение лингвистической семиотики требует рассмотрения возможно большего числа семиотических фактов, сопутствовавших возникновению, развитию и функционированию языка.

В пользу такого принципа построения лингвистической семиотики выдвигаются следующие аргументы.

1. Недостаточность тех критериев, которыми пользуются при определении самого понятия «язык», т. е. определения самого лингвистического объекта как системы знаков. Обычно артикуляционно-фонетическая знаковая структура отождествляется с графическим эквивалентом — письмом, т. е. письменным «языком». Нет особой надобности указывать на многочисленные практические трудности, возникающие из этого отождествления. Успешное преодоление младограмматиками отождествления звука и буквы, унаследованное от античной грамматики, не вышло до сих пор теоретически за рамки разграничения этих двух знаков разных систем. В связи с этим следует подчеркнуть, что вторжение в лингвистику математики и математической логики наряду с положительными идеями, возродило и нестрогое определение понятия «язык», которым эти науки оперируют как «некоторой последовательностью графических символов или знаков».

В связи с этим для лингвистики представляет принципиальный интерес то противоречие, в котором оказывается математика, предлагающая свои заманчиво объективные методы исследования языка. В своих постулатах даже крупные математики исходят из сомнительного представления, что «законы лингвистики в основном достаточно просты для того, чтобы допустить математическое описание» (разрядка моя.— А. В.)¹. Это допущение о простоте основано на смешении лингвистики (т. е. науки о языке, которая, например, в варианте школьной грамматики может создать представление о простоте формулируемых законов) с языком, т. е.

с объектом предлагаемого математического описания. Обращаясь, однако, к самому объекту и описывая его вероятностные модели, математики обнаруживают, что имели дело с семиотической структурой, но отличной от той, которая является собственно лингвистическим объектом: «В целом рассмотренные выше примеры показывают, что вероятностные модели письменной речи в виде сложных цепей Маркова хорошо описывают письменную речь. Сложнее обстоит дело с получением статистических моделей устной речи. Получение таких моделей важно для исследований, связанных с техникой связи. Вопрос упирается в недостаточную изученность свойств устной речи»².

Для лингвистики эта проблема имеет свое внутреннее теоретическое и практическое значение: описания языковых знаков на логическом уровне, их определения существенно, а иногда и принципиально расходятся в зависимости именно от того, в качестве какой семиотической структуры — артикуляционно-фонетической или графической — определяется язык как система знаков. Так, проблема определения слова в языках не только различных типов, но и в одном и том же языке до сих пор является наименее близкой к своему решению³.

В приблизительной форме соотношения этих двух знаковых структур для индоевропейских языков можно изобразить в следующей схеме:

Уровни анализа	План выражения	
	артикуляционно-фонетическая структура	графическая структура
Формальный	фонема	буква (графема)
Денотативный	звук слог такт фраза ударение интонация	графема (буква) слово предложение
Коннотативный	—	совокупность графических текстов

Несоответствие, столь очевидное при сопоставлении отдельных элементов двух этих структур, оказывается более относительным при сопоставлении самих структур, что и позволяет практически (особенно с применением транскрипции), выражать обе эти структуры друг через друга, на чем, собственно, до сих пор и основано описание синхронных артику-

ляционно-фонетических структур. Что же касается диахронического исследования, то графическая структура всегда останется здесь единственным объектом лингвистики⁴.

Однако этот изоморфизм знаковых структур не снимает их различия, тем более, что современные электронные приборы гарантируют возможность обработки огромного эмпирического материала артикуляционно-фонетической структуры, изучение которой может быть осуществлено в ближайшем будущем⁵. Во всяком случае, теоретически лингвистика должна отдавать себе отчет в истинной природе своего объекта и составляющих его элементов даже в условиях, когда в силу ограниченности своего метода она по необходимости вынуждена оперировать отраженными в графической знаковой структуре фактами своего действительного объекта.

2. Создание теории лингвистической семиотики диктуется эмпирической необходимостью интерпретации некоторой конкретной языковой структуры в знаках другой системы в случае синхронного перевода, а также в случае интерпретации некоторой языковой структуры в диахронии, т. е. во всех сериях ее изменения (эволюции).

Больше того, данная синхронно-функционирующая структура может быть выявлена в качестве реальной структуры только с учетом того, что фактически в ее рамках функционируют знаковые микроструктуры, определяемые обычно нестрогим термином «диалекты»⁶. По отношению к макроструктуре эти последние специализируются на основе разных дифференциальных знаковых признаков, среди которых фонетические признаются наиболее существенными, что, однако, не является существенным для всех микроструктур. Наконец, эти языковые микроструктуры как в синхронии, так и в диахронии, связаны в ряде случаев со своими неязыковыми знаковыми структурами, рассмотрение которых объективизирует характеристику той или иной языковой микроструктуры. Описание даже современных диалектов без учета сопровождающих их неязыковых знаковых структур представляется существенным методологическим недостатком традиционной диалектологии, так как благодаря этому остается невыясненной не только социальная характеристика диалекта, выявляющаяся и в неязыковых знаковых структурах, но и, в известной степени, план и содержание микроструктур вопреки тому, что теоретически именно представители традиционной диалектологии поддерживают концепцию о двусторонней природе языкового, следовательно любого социального знака (план выражения и план содержания).

Что же касается истории языка в целом, то рассмотрение (и описание) его вне связи с неязыковыми знаковыми структурами эмпирически всегда было неосуществимо: создание палеографии — наиболее убедительное доказательство в поль-

зу необходимости теории лингвистической семиотики⁷. Палеография по крайней мере в русской лингвистической традиции и явилась по существу опытом создания знаковой теории для истории языка. В общую теорию лингвистической семиотики палеография не смогла развернуться по ряду причин, в числе которых была и недооценка семиотики в целом, но существенным остается тот факт, что исторические исследования утратили значительную долю своей объективности, так как не опирались на семиотическую теорию.

3. Современные коммуникативные структуры характеризуются исключительным динамизмом. Потребность в разнообразных, гибких и оптимально приспособленных для специальных целей общения знаковых структурах обуславливает тот факт, что элементы разных структур образуют некоторую общую структуру. Языковая структура в этом процессе по-прежнему играет ведущую роль как в непосредственном использовании элементов, так и в моделировании новых технических научных и универсальных знаковых структур, в том числе и так называемых знаковых структур «массовых коммуникаций». Известно, что знаки постоянно переходят из структуры в структуру. Этот факт известен, однако исследовано это явление лишь в отношении некоторых типов знаков (слово, морфема). Проблема проникновения языковых знаков в другие знаковые структуры и степень проницаемости разных структур со стороны языка теоретически не исследована, а ведь решение ее связано со многими важными сторонами социальных, экономических, технических, научных и эстетических структур.

Выдвинутые выше аргументы доказывают необходимость рассмотрения языка в сопоставлении с неязыковыми семиотическими объектами. С другой стороны, основные аспекты общей теории знаков, как в фокусе, сходятся в лингвистической теории, которая автором интерпретируется в качестве теории лингвистической семиотики, поскольку эта теория рассматривает по крайней мере две семиотические структуры — артикуляционно-фонетическую и графическую.

Вполне естественно поэтому возникает необходимость рассмотрения природы элементов этих структур, т. е. элементов, подводимых под общие понятия «языковой знак» и «языковое значение».

БИБЛИОГРАФИЯ

к главе третьей

1. Р. Л. Добрушин. Математические методы в лингвистике. «Математическое просвещение», 1961, № 6, стр. 40.

2. Р. Л. Добрушин. Ук. соч., стр. 50.

3. Сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М., Изд-во АН СССР, 1963.

4. См. Л. Р. Зиндер. К вопросу о фонологической интерпретации данных древней письменности; А. В. Исаченко. К вопросу о периодизации истории русского языка (обе статьи — в сб. «Вопросы теории и истории языка». Сб. в честь проф. Б. А. Ларина. Изд-во ЛГУ, 1963).

5. В. Х. Ингве. Язык для программирования и задачи машинного перевода. «Кибернетический сборник», вып. 6. М., ИЛ, 1963.

6. Л. П. Якубинский. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики. «Языковедение и материализм», вып. II. М.—Л., 1931, стр. 102; А. Г. Волков. Микролингвистика. НДВШ, «Филологические науки», 1962, № 2.

7. Ф. П. Филин. Об одном важном источнике истории русского языка. В сб.: «Вопросы теории и истории языка» (см. 4).

IV

ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ НАБОР СВОЙСТВ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Несмотря на широкое обсуждение природы знака в печати и на теоретических конференциях новые публикации как советских¹, так и зарубежных² авторов свидетельствуют о том, что проблема природы знака как исходного пункта определения лингвистического объекта в целом может быть признана решенной лишь в некоторой степени приближения, что, естественно, «не устраивает» многие практические аспекты приложения знаковой теории языка³.

Но и достигнутый положительный уровень понимания проблемы может быть признан недостаточным в настоящее время, во-первых, в связи с необходимостью идентификации лингвистических и нелингвистических (математическая логика, кибернетика, физиология, литературоведение, эстетика) понятий на уровне общей семиотики, так как даже сходные идеи и определения, формулируемые в терминах разных теоретических языков (знаковых микроструктур) являются источником логически противоречивых содержательных интерпретаций; во-вторых, и это самое главное, нет решительно никаких оснований утверждать, что наука исчерпала объективные свойства языкового знака⁴ и что в новых коммуникативных ситуациях, порождаемых современной действительностью, природа языкового знака остается неизменной. (Имеется в виду, прежде всего, проблема «массовой коммуникации», см. цит. выше статью Н. И. Конрада.)

Все это обуславливает необходимость специального рассмотрения природы языкового знака, элиминированного от структуры. Такое описание связано с рядом практических и теоретических трудностей, которые неявно устранялись автором в прежних работах⁵ просто потому, что знаковая концепция должна была иметь некоторую условную точку отсчета. Теоретически элиминирование элементов от структуры имеет своим основанием то существенное обстоятельство, что этот метод является единственным, позволяющим объяснить и описать элементы структуры⁶. Такой принцип не является

произвольным, так как он находит отражение в природе самой структуры, элементы которой распределяются в определенной последовательности, т. е. линейно⁷, и расположены друг за другом, что и открывает возможность их описания⁸.

Для лингвистов, оперирующих современным понятием структуры, вопрос об «отдельности» знака является принципиальным: абсолютное и четкое членение языка на такие элементы, как «слово» и «предложение», укрепилось сначала под влиянием формальной логики понятий и затем логики высказываний, что и привело к формализации естественных языков на смешанных принципах. Учение о частях речи и членах предложения представляет собой реализацию этого логиколингвистического принципа формализации естественных языков с длительной традицией научного описания⁹.

Факт этот не всегда осознается самими лингвистами, несмотря на то, что принятие языковой нормы, связываемое обычно лишь с плохими вариантами школьных грамматик¹⁰, находит свое полное выражение в письменном литературном языке, хотя и представляет собой нестрогое по своим принципам, но чрезвычайно важное по результатам, осуществление формализации естественных языков.

Однако современная математическая логика, сознательно и последовательно осуществляя идею формализации высказываний и проводя строгое различие между этими двумя семиотическими структурами, отдает себе отчет в том, что выделение знаков на семантической основе представляет собой лингвистическую идеализацию: «В обычных языках это членение возможно, как правило, лишь частично и приблизительно. Лучше даже сказать, что наше предположение о его возможности включает известную идеализацию»¹¹.

В самом деле, определение границ звука, слога, такта и фразы и соответственно — фонемы, морфемы, слова и предложения — представляет до сих пор одну из наименее ясных проблем. Это объясняется не только объективной сложностью самих элементов языка, но и не всегда осознаваемым эклектизмом при подходе к определению элементов языка: смешанный формально-логический принцип классификации частей речи и членов предложения довлеет современному научному определению языка как коммуникативной системы.

Современная форма этого эклектизма, выражающаяся во взгляде, согласно которому на известном уровне анализа языка обращение к смыслу (значению) является единственным возможным методом описания, не может быть признана удачным преодолением этой древней методологической трудности.

Определение языка в целом не может обойтись без сопоставления его с другими объектами и, прежде всего, с мышлением. Это вполне строгий научный принцип, поскольку всё

объекты вообще находятся в отношениях взаимосвязи, последовательности, вхождения, взаимоперехода, подобия, различия и т. д.¹²

Однако определение, что «одна категория является обычным, «регулярным» случаем другой категории (например, является причиной категории «женского рода»: русск. *вод-а, стен-а*.— А. В.) приводит к уничтожению одной категории и гипостазированию, преувеличению значения другой»¹³. С этой точки зрения категории смысла (семантики) не могут быть «причиной» языковых форм или знаковых отношений.

Более строгим поэтому представляется следующий принцип: если на некотором уровне анализа определение элементов языка требует обращения к смыслу (к семантике), то отсюда следует, что анализ не достиг необходимой полноты или он исчерпан в нужном направлении и дальнейшее описание элементов языка осуществляется уже на экстралингвистическом уровне. Подобная постановка вопроса не упрощает сложнейшей проблемы отношения между языком и мышлением, знаком и значением. Здесь лишь ставится вполне естественный вопрос для любого теоретического построения о возможности определения элементов языка — знаков в рамках имманентного набора определяющих признаков. Уровень исследования природы языкового знака в настоящее время, когда сопоставление этого феномена с другими типами знаков — социальными (или «неязыковыми») ¹⁴ и биологическими ¹⁵ — в достаточной степени выявило специфику именно языкового знака, позволяет осуществлять прямое описание основных свойств знака, руководствуясь определенными методологическими принципами.

1. Материальность знака

Этот признак до сих пор явно не включается в определяющий набор знака, даже в знаковых концепциях языка, в достаточно прозрачной форме опирающихся на принцип материальности лингвистического объекта ¹⁶ и даже на принцип материальности мира в целом ¹⁷. В знаковых концепциях, развивающих основные идеи Соссюра ¹⁸, предполагается, что признание материальности языкового знака и в таких осторожных терминах, как *текст*, феномен, соответствующий соссюрской *речи*, означает возвращение к дососсюрсовскому этапу в лингвистике ¹⁹. В данном случае такое возвращение следует признать своевременным и теоретически обоснованным, так как построение семиологии на принципе «чистых отношений» потерпело неудачу.

Мы допускаем, что лингвистическая концепция может опираться исключительно на семиотические постулаты.

Вопрос ведь сводится не к тому, что если существовал Соссюр, то лингвистика должна оставаться исключительно соссюрианской, а к тому, насколько та или иная теория языка адекватна своему объекту и насколько она внутренне стройна и непротиворечива. Нам представляется, что доктрина Соссюра не является кем-нибудь доказанной гипотезой, хотя было бы странным возражать против того очевидного факта, что соссюровский этап в лингвистике действительно имел место²⁰.

В других случаях устранение признака материальности из определяющего набора объясняется тривиальностью постановки вопроса: поскольку мир — материален и т. д., постольку доказательство материальности каждого элемента или объекта материального мира представляется признаком старомодной манеры выражаться. Что же касается научной стороны дела, то постулируемая многими теоретиками тривиальность этой проблемы приводит неизбежно к признанию почти мистической сущности, определяющей вынесение природы знака за рамки его «чувственности»²¹.

Введение свойства материальности в определяющий набор признаков языкового знака не исчерпывается устранением неоднозначности основных понятий теории, хотя и это достаточно существенный аргумент.

Дело в том, что определение языка в артикуляционно-фонетической или графической материальной природе выявляет несколько разные варианты одной и той же закономерности: в первом случае знак выступает как элемент динамической и вероятностной, а во втором — статической структуры.

Важно определить, в чем заключается специфика обоих эквивалентов, артикуляционно-фонетического и графического, по отношению к их собственной субстанции — последовательности звуковых волн или световых квантов, т. е. решить вопрос о том, что все-таки делает данную материальную субстанцию знаком без предполагаемых догадок о том, что за восприятием данного объекта в качестве знака «помимо восприятия существует нечто иное»²².

Это иное может быть вскрыто в самой субстанциональности знака на основе следующего универсального семиотического принципа: «Организм противоположен хаосу, разрушению и смерти, как сигнал противоположен шуму»²³.

Эта метафора, на основе которой определяется материальное отличие знака от шума, и является завоеванием научной мысли нового времени: И. А. Бодуэн де Куртенэ имел смелость утверждать, что «знак есть слышимый результат правильного действия мускулов и нервов»²⁴ и что, следовательно

но, язык есть «одна из функций человеческого организма в самом обширном смысле этого слова»²⁵.

В материальной характеристике знака существенным является правильное или регулярное ритмическое²⁶ отношение любой единицы, любого элемента знака к другим знакам, предшествующим и последующим²⁷.

Будучи противопоставлен шуму как специфически организованный элемент, знак обладает следующими свойствами, присущими его артикуляционно-фонетической форме.

2. Повторяемость знака

Реальное существование знака ограничено временем его воспроизведения и восприятия. Как определенная мера механической (артикуляция) или волновой (звук) энергии, знак существует ограниченное время, так как шум имеет тенденцию возрастать, а организация знака уменьшаться. На известном пределе знак превращается в шум или воспринимается говорящим и слушающим только в качестве шума. Поэтому каждый акт коммуникации соответствует одному набору знаков. Функционирование языка — это повторяемость знаков и их последовательностей. В свое время И. А. Бодуэн де Куртенэ доказал, что язык как коммуникативный материальный объект отличается от живого организма именно воспроизведением материальных элементов не в рамках «языка» в целом, но лишь в качестве отдельных комбинаций знаков, связанных отношением «предшествования» и «последования»²⁸.

Признак повторяемости (или воспроизведения) знака по условиям его материальной природы является наиболее существенным для понимания структуры языка в целом и для методики определения элементов этой структуры.

Структура языка не может с этой точки зрения быть определена в качестве объемного, многоярусного образования, одновременно и пространственно существующего в совокупности связей всех своих элементов.

Анализ материальной структуры языкового знака устраняет известное недоразумение, согласно которому так называемое значение (семантика), которое А. Н. Зиновьев определяет терминами «реальное», или «чувственное» значение²⁹, некоторым образом входит в знак или отражается в знаке.

Знак — материальный объект, особым образом организованный и в своей собственной природе противопоставленный шуму как некоторой другой физически тождественной среде, и он не может включать в свою структуру элементов другой структуры. Знак связан с элементами другой структуры, условно определяемой термином *семантика*, но это особый вопрос, требующий рассмотрения характера связей знака с другими структурами.

Что же касается структурного значения знака, то оно всецело исчерпывается понятиями места и функций знака в структуре.

С этой точки зрения знаки любой развертывающейся языковой структуры могут быть определены в рамках двух классов: номинантов и операторов. Соотношение их раскрывает ту специфику языкового знака, которой он противопоставлен шуму.

Номинанты связаны преимущественно с возможностью воспроизведения знаков, тогда как операторы — с их повторяемостью. Номинанты связаны со своими означаемыми, т. е. с элементами другой структуры (со значением или вещью). Материально номинант может быть выявлен в качестве такта фразы или системы фраз (в письменном эквиваленте — в тексте). Оператор не имеет означаемого за рамками структуры. Он связан только с другими операторами.

Концепция соотношения номинантов и операторов³⁰ в рамках материальной структуры языкового знака представляет собой ту принципиально новую основу, которая позволяет преодолеть дуалистическую концепцию лингвистического объекта Ф. де Соссюра и одностороннюю концепцию И. П. Павлова о «втором сигнале», ограниченном рамками слова.

Концепция *языка / речи* Соссюра по самим своим постулатам абсолютно разграничивала структуру (язык) и материальный процесс коммуникации (речь) только как случайный процесс. Концепция соотношения номинантов и операторов в рамках знака позволяет рассматривать последний как проявление некоторой статистической вероятности или закономерности, которая может быть исследована и описана на количественной основе, т. е. как соответствующая алгебра. В связи с этим соссюрское понятие «язык» утрачивает свой лингвистический смысл, оказываясь понятием логики, психологии и физиологии. Но и в этих науках природа объекта должна быть решительно пересмотрена в свете современных физиологических данных. Согласно Соссюру, знаки языка как отношения означающего к означаемому, имея одинаково психическую природу и локализуясь в больших полушариях мозга, представляют собой сумму, рассчитываемую по формуле $\langle 1 + 1 + 1 \dots = 1 \text{ (коллективный образ)} \rangle$ ³¹. Однако это противоречит современному лингвистическому представлению об объекте как материальной семиотической системе: этот объект в рамках сознания в целом является не статической, а динамической структурой, но не суммой и обладает высокой степенью моделирования на основе программы, обусловленной генетически и социально, действующей автоматически и на «сознательном», и на «подсознательном уровнях»³². С точки зрения современной физиологии объект, который Соссюр определял термином *язык*, вообще не имеет места в

сознании в качестве особой суммы психических знаков. Сознание в целом интерпретируется современной физиологией как «опережающий процесс отражения»³³, закономерности которого хорошо согласуются с вероятностной природой языковой коммуникативной системы и с внутренней организацией знака или сигнала, как они определены выше Н. Винером и Н. А. Бернштейном.

В связи с этим учение И. П. Павлова о «втором сигнале» остается в силе лишь в рамках онтологии знака вообще, но уже недостаточно для рассмотрения языкового знака³⁴ не только по изложенным выше причинам, но и по причинам собственно лингвистического характера. Дело в том, что, кроме общего определения слова (а не языка) в качестве «сигнала сигналов», И. П. Павлов не рассматривал подробно саму структуру второй сигнальной системы, в силу чего сразу же возникла неясность относительно того, как ее понимать в приложении к языку в целом. Иными словами, до сих пор остается неясным, что он имел в виду под второй сигнальной системой: материальную коммуникативную систему — язык как «совокупность» слов или собственно физиологические процессы отражения как специфически человеческую деятельность.

В связи с этим в советском языкознании сложилось отрицательное отношение ко всему тому, что в рамках языка в целом определялось в качестве знаков: странное исключение в глазах лингвистов составляло *слово*³⁵.

С другой стороны, нестрогое определение И. П. Павловым слова в качестве «сигнала сигналов» послужило опорой для интерпретации слова и языка в целом в соотношении «двух сторон» — «материальной» и «идеальной».

Гипотетически такое определение языка и знака (как и лингвистического объекта в соотношении языка и речи Ф. де Соссюром) вполне допустимо, но оно требует аргументации, вместо которой была принята простая ссылка на авторитет И. П. Павлова.

В более широком теоретическом плане концепция двусторонней природы знака (слова) и концепция *языка / речи*, вообще говоря, совпадают, что в наиболее отчетливой форме нашло отражение в определении языкового знака, опирающегося одинаково как на И. П. Павлова, так и на Ф. де Соссюра³⁶.

В связи с этим принципиальное рассмотрение материальности знака в наборе определяющих признаков вскрывает ряд лингвистических проблем, которые в силу ряда обстоятельств не нашли еще решения в советском языкознании, в том числе и проблему основных единиц языка — «слова» и «предложения», рассматриваемых до сих пор с точки зрения формальной логики и категорий классической психологии, в которых игнорируется материальная природа языкового знака.

До сих пор остается в силе следующее положение А. М. Пешковского, которому ни учение о слове как «сигнале сигналов», ни соссюровская доктрина *языка / / речи*, имеющая своим основанием определение знака в качестве психического феномена, не противопоставили положительного решения: «Прежде всего необходимо покончить с традиционным употреблением термина «слово» (т. е. знака.— А. В.) в двух совершенно различных смыслах: в смысле отдельного психо-физиологического акта членения речи и в смысле ассоциативной группы представлений, обособившихся в уме говорящего в результате этого членения»³⁷.

3. Условность знака

Признак условности является самым «старшим» в определяющем наборе признаков языкового знака и обычно признается ведущим и определяющим признаком, возведенным в степень принципа рассмотрения языка. Этот признак лег в основу всей методологии сравнительно-исторического языковедения³⁸.

Здесь уместно уточнить, что положение о произвольности языкового знака Ф. де Соссюра не имеет ничего общего с коренным принципом сравнительно-исторической методологии; последняя определяет в качестве абсолютно условной связь между знаком, т. е. материальным звуковым или графическим феноменом, и значением, т. е. психическим феноменом; иначе говоря, в качестве условного сравнительно-исторического языкознание рассматривает отношение между двумя разными объектами — языком и мышлением. Соссюр определяет в качестве произвольной (или мотивированной) связь между «понятием» и «акустическим образом» в рамках индивидуальной психики или универсальной модели — коллективного сознания. Произвольное отношение между означающим и означаемым выступает у Соссюра в качестве знака. Условность (или немотивированность) знака по самому его определению в доктрине Соссюра выступает как отношение, связь между элементами одного и того же объекта — психики (или сознания). Иными словами, одна часть сознания (означающее), по Соссюру, выступает недетерминированной по отношению к другой (означаемое). В оправдание этого открытия, которое должно занимать центральное положение в определении природы языкового знака и даже в основе семиологии³⁹, Соссюр ссылается на тот факт, что обнаружение произвольности (или немотивированности) связи означаемого не «дается с первого взгляда» и «достигается после многих блужданий»⁴⁰. Однако наука не может ориентироваться на принципы, лишенные каких-либо ограничений: с таким же основанием можно говорить и об абсолютной немотивированности (или произвольности) связи между «означаемым» и «означающим», в связи

с чем бессмысленным становится второй принцип Соссюра о линейности языкового знака. Эта линейность означающего и означаемого сама по себе оказывается абсолютно условной, немотивированной и, по существу, принципиально несущественной уже в концепции Л. Ельмслева⁴¹.

Рассмотренные основные свойства языкового знака не исчерпывают его сложной природы, однако вполне достаточны для того, чтобы выделить знак вообще в отдельный объект действительности.

Вместе с тем современный философский и лингвистический ментализм в качестве основного свойства знака выдвигает его свойство «обладать» значением или «включать» в себя значение. В этом смысле знак как таковой ограничивается от своего материального субстрата (или физического эквивалента) именно тем, что согласно этой точке зрения он имеет значение, в силу чего природа знака всецело покрывается его семантическими границами и т. д.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что семантический критерий знака не аргументируется: имеет место просто ссылка на самоочередность того, что знак «имеет значение», в лучшем случае, что знак соотнесен со значением. Самоочевидность не может служить опорой научной теории, а представление о соотнесенности знака и значения требует объяснения: в каком смысле понимается эта соотнесенность, в чем состоит механизм «вхождения» значения в знак, как описать соотнесенность знака и значения, например в исторических исследованиях языка, так как в диахронии дан знак, но не дано его значение, которое приходится реконструировать самому исследователю. Однако это относится уже к области интерпретации знака средствами сознания исследователя. Но в этом случае и «значение» и «соотнесенность» выступают в качестве представлений исследователя или соотнесенности самого исследователя со знаком и т. д.

С точки зрения материальной природы знака и, следовательно, абсолютной условности знака и значения проблема знака и значения оказывается принципиальной проблемой лингвистической теории, в связи с чем представляется необходимым рассмотреть ее отдельно. Такое рассмотрение способствует и более объективному выявлению природы как знака, так и значения.

БИБЛИОГРАФИЯ

к главе четвертой

1. См. Р. В. Пазухин. Учение К. Бюлера о функциях языка как попытка психологического решения лингвистической проблемы, ВЯ, 1963, № 3; А. Г. Волков. Теоретические основания дихотомической гипотезы языка — речи Ф. де Соссюра. «Вестник МГУ», серия филология, журнальчик, 1964, № 2.

2. См. В. Дорошевский. Знак и означаемое. ВЯ, 1963, № 5; А. Шафф. Введение в семантику. М., ИЛ, 1963 и др.
3. Сб. «Методологические проблемы науки». М., Изд-во АН СССР, 1964, стр. 252—254.
4. См., например, Н. И. Жинкин. Механизмы речи. М., Изд-во АПН, 1958; Н. И. Дукельский. Принципы сегментации речевого потока. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962; Л. В. Чистович. Текущее распознавание речи человеком. В сб. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», № 6—7. М., 1962; В. В. Иванов, С. К. Шаумян. Лингвистические проблемы кибернетики и структурная лингвистика. В сб. «Кибернетику — на службу коммунизму». М.—Л., Энергоиздат, 1961; А. М. Пятигорский. Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала. В сб. «Структурно-типологические исследования». М., Изд-во АН СССР, 1962. Н. А. Бернштейн. Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой. В сб.: «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии». М., Изд-во АН СССР, 1963; см. также сб. «Psycholinguistics. A survey of theory and research problems». Baltimore, 1961.
5. См. А. Г. Волков, И. А. Хабаров. К вопросу о природе языкового знака. ВФ, 1959, № 11; А. Г. Волков. Онтология и знаковость языка. «Вестник МГУ», серия филология, журналистика, 1961, № 1; А. Г. Волков, И. А. Хабаров. Онтологический и гносеологический аспекты знаковой проблемы. В сб. «Законы семантического развития». М., Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961.
6. См. Ф. Энгельс. Диалектика природы. М., Госполитиздат, 1950, стр. 184.
7. См. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., Соцэкгиз, 1933, стр. 77 и след.
8. См. А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., Соцэкгиз, 1938, стр. 168.
9. См. Л. Линцбах. Принципы философского языка. Пг., 1916, стр. XI—XII.
10. См. А. М. Пешковский. Научная и школьная грамматика. М., 1918, стр. 53; А. Мартине. Основы общей лингвистики. В сб. «Новое в лингвистике», вып. III. М., ИЛ, 1963, стр. 369.
11. А. Чёрч. Введение в математическую логику, т. I. М., ИЛ, 1960, стр. 360.
12. См., например, А. И. Уемов. Вещи, свойства, отношения. М., Изд-во АН СССР, 1963.
13. Там же, стр. 74.
14. См. В. А. Звегинцев. Проблема знаковости языка. Изд-во МГУ, 1956; А. Г. Волков, И. А. Хабаров. К вопросу о природе языкового знака (см. 5).
15. Ch. Hockett. The problem of universals in language. «Universals of Language». Cambridge, Mass., 1963.
16. См. там же, тезисы 2.11—2.14.
17. См. А. Шафф. Введение в семантику, гл. II; G. Klaus. Semiotik und Erkenntnistheorie. Berlin, 1963.
18. H. S r a n g-H a u s s e n. Recent Theories on the Nature of the Language Signs. Copenhagen, 1954.
19. См. Б. А. Успенский. Принципы структурной типологии. Изд-во МГУ, 1962, стр. 11.
20. См. А. Г. Волков. О теоретических основаниях дихотомической гипотезы языка // речи Ф. де Соссюра (см. 1.).
21. См. В. Дорошевский. Знак и означаемое, стр. 15—16 (см. 2.).
22. Там же, стр. 15.
23. Н. Винер. Кибернетика и общество. М., ИЛ, 1958, стр. 103.
24. И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. I. М., Изд-во АН СССР, стр. 77.
25. Там же.

26. См. В. Бехтерев. Общие основы рефлексологии человека. Пг., 1923, стр. 289—292.
27. См. И. А. Бодуэн де Куртенэ. Цит. соч., т. II, стр. 154—155.
28. См. И. А. Бодуэн де Куртенэ. Цит. соч., т. I, стр. 75.
29. См. А. И. Зиновьев. Об основах абстрактной теории знаков. В сб. «Проблемы структурной лингвистики». М., Изд-во АН СССР, 1963.
30. См. Н. А. Бернштейн. Цит. соч., стр. 305 (см. 4).
31. См. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 42.
32. См. А. А. Зализняк, В. В. Иванов, В. Н. Топоров. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем. В сб. «Структурно-типологические исследования». М., Изд-во АН СССР, 1962.
33. См. П. К. Анохин. Методологический анализ узловых проблем условного рефлекса. В сб. «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии». М., Изд-во АН СССР, 1963.
34. См. Н. И. Жинкин. Механизмы речи, стр. 5—29 (см. 4).
35. Ср. типичную интерпретацию второй сигнальной системы в статье А. А. Брудного «Знак и сигнал» (ВЯ, 1961, № 4).
36. См. С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 162—172.
37. А. М. Пешковский. Понятие отдельного слова. Сборник статей. Л., 1925, стр. 133.
38. См. А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., ИЛ, 1950, стр. 11—18.
39. См. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 79.
40. Там же.
41. См. Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. В сб. «Новое в лингвистике», вып. I. М., ИЛ, 1960, стр. 305—308.
-

V

ЗНАК И ЗНАЧЕНИЕ

В современной лингвистике и философии укрепляется взгляд на язык как на систему (структуру) знаков. Это находит поддержку и в смежных науках, рассматривающих язык как наиболее гибкую и условную систему знаков в качестве основы моделирования разнообразных неязыковых (дополнительных по отношению к «естественному» языку) знаковых систем. Широкое обсуждение природы и функций языковых и неязыковых знаковых систем в советской печати и на теоретических конференциях выявило общую тенденцию материалистического определения языкового знака и выдвинуло в качестве важнейших проблем — отношение между знаком и значением (уровнями выражения и содержания) и определение понятий структуры и функций языка.

Традиционная проблема соотношения языка и мышления на современном уровне науки может быть интерпретирована как проблема связи двух материальных структур — языковой системы, или структуры знаков, выполняющей коммуникативную функцию, и мышления — нейродинамической системы, или структуры, выполняющей функции управления организмом и его уравнивания с внешней средой.

Мысль о том, что сформулированная выше проблема отличается от традиционных определений отношения между языком и мышлением только манерой выражаться, самой формой высказывания представляется глубоким заблуждением.

В самом деле, в господствовавших до начала XX в. концепциях языка, которые можно определить как гносеологические, основным принципом было установление абсолютных единиц языка (слово, предложение) и соответствующих им значений в рамках полисемии, моносемии, синонимии, омонимии и антонимии.

Реальность этих семантических категорий аргументируется тем, что они выведены из анализа словаря или словарей естественных языков. Наличие же самих этих словарей с расплывчатыми по словарным статьям «значениями» представляется тем самоочевидным фактом, на который ссылаются при

обосновании реальности того или иного значения. А между тем это один из тех фундаментальных фактов, который свидетельствует о том, что самоочевидность не является критерием истинности. Хорошо известно, что лексикографическая теория до сих пор имеет в качестве исходного своего принципа — установление значений слова на основе «языкового чутья» или творческой интуиции.

Например, многозначность слова существует в совокупности реальных контекстов, т. е. в микроструктурах данного языка, из которых исследователь сначала элиминирует слово и затем присваивает ему ту многозначность, которой словно не обладает в каждой конкретной микроструктуре, и описывает его в терминах естественного языка или языков, что накладывает печать субъективизма как на установление иерархии значений, так и на определение того, что принято считать понятийным и экспрессивным компонентами значения.

Бесспорно, в процессе лексикографического исследования содержательная интерпретация слова объективизируется системой различных экстралингвистических данных и сопоставлением множества контекстов, привлекаемых для составления словаря. Но это обстоятельство не проливает ни малейшего света на вопрос о реальности тех прагматических категорий, которыми оперирует лингвистическая семантика.

Таким образом, все эти лингвистические семантические категории представляются с точки зрения современной лингвистики теми объектами, существование которых необходимо доказать, тогда как ими пользуются в качестве исходных научных фактов. В известных рамках операции с этими категориями методически были полезными, однако теоретические основания их определения представляются совершенно неудовлетворительными. Подтверждением этого является наличие множества противоречий в словарных статьях словаря, т. е. в самой лингвистической практике, и в теории, например, при разграничении полисемии и омонимии, при установлении синонимических рядов и т. д. И не случайно, что в исторических исследованиях лингвисты предпочитают определять семантику в более строгих логических терминах расширения и сужения значений.

Неудовлетворительность определения полисемии, синонимии и омонимии раскрывается не только с точки зрения структурной лингвистики, но и в рамках концепций, принимающих полисемию, синонимию и омонимию в качестве реальных категорий, характеризующих семантические границы слова.

В самом деле, существование семантических категорий связывается с отдельным словом, преимущественно — со знаменательным словом, которое принимается за точку отсчета.

Между тем границы фонетического (фонематического) сло-

ва в высшей степени относительны, а графического слова — условны, в связи с чем проблема границ слова (следовательно, и его семантических границ) до сих пор является наименее ясной проблемой лингвистики. Теоретическая литература по этой проблеме состоит из огромного числа публикаций, противоречащих друг другу, что само по себе свидетельствует об отсутствии в науке ясного представления о том, с какими именно элементами структуры следует связывать функционирование семантических категорий.

Эта методологическая недостаточность определения отношений между языком и мышлением была осознана лингвистами сравнительно недавно, хотя в конкретных исследованиях она была постоянной спутницей многих недоразумений, возникавших в сравнительно-историческом языкознании.

Так, например, И. И. Срезневский¹, столкнувшись с арго офеней, который он назвал первоначально «афинским» в соответствии со своей ранней концепцией о «финском» субстрате русского языка, и, рассматривая лишь прямые отношения слова — понятия в соответствии с господствовавшей гносеологической концепцией языка, первоначально не смог дать типологической интерпретации природы знаков арго офеней, например, в следующем тексте:

«Ой, и мас не смурак,
а лимон карюк.
По турлу хандырю,
коробей парю,
Коробей парю, парючков
вершаю...»¹

(«Ой, и я не дурак — молодой молодец, по саду хожу да коробь ношу; коробь ношу, на девиц гляжу»).

И только отказ от пословного анализа текста и обращение к «строю» арго позволили И. И. Срезневскому легко установить природу этого арго: «Остается в нескольких словах сказать о сходстве и несходстве афинского с русским. Несходство заключается: а) в новых корнях; б) в словах, по крайней мере славянских. Сходство слишком заметно: а) окончательные слоги всех слов русские, так что самые формы склонений, спряжений, образование прилагательных от существительных и т. п. — все русские; б) предлоги, союзы, их значение отдельное и при образовании сложных слов — те же, что и по-русски. Нечего уже говорить о синтаксическом строе афинского языка: он весь русский»² (разрядка моя. — А. В.).

Бесспорно, этот случай не идет ни в какое сравнение с трудностью дешифровки, например крито-микенской письменности Алисой Кобер, М. Вентрисом и Д. Чэдвиком³. Однако успех этих последних и неудача Грозного, как и первоначальное заблуждение И. И. Срезневского о природе офеней,

ского аргю, носят не случайный, а принципиальный характер: И. И. Срезневский и Грозный исходили из прямой содержательной интерпретации отдельных знаков по принципу внешнего сходства, тогда как истинная интерпретация офенского аргю И. И. Срезневского и крито-микенской письменности Кобер, Вентриса, Чэдвака имели в качестве допущения тезис о некоторой семиотической структуре, в первом случае русского, во втором — древнегреческого языка, отраженных в соответствующих графических эквивалентах.

Известный эксперимент Л. В. Щербы с предложением «Глбкая кúздра штéко будланúла бóкра и курдячит бокрénка», вызвавший в свое время снисходительную улыбку, имеет глубокое принципиальное значение, поскольку Л. В. Щерба исходил из обоснованного допущения, что в основе языковой структуры лежит некоторая алгебра, организующая «огромное количество случайных шумовых (или графических — А. В.) компонентов»⁴, раскрывающихся или выявляющихся как статистические вероятности, на что впервые обратил внимание В. В. Марков и что реализовал в своих исследованиях А. М. Пешковский⁵.

Мы полагаем, что общим принципом, на котором должна строиться современная концепция значения, является следующий: значение — категория неязыковая по своей природе и является одной из специфических функций мышления или же одним из его материальных процессов. На основании имеющихся в современной науке фактов можно с полной уверенностью утверждать, что «...в рамках материалистического мировоззрения не существует никаких состоятельных принципиальных аргументов против положительного ответа...» на вопрос о природе сознания: «Этот положительный ответ является сейчас современной формой убеждений о естественном возникновении жизни и материальной основе сознания»⁶.

Таким образом, традиционная проблема о связи языка и мышления на современном уровне может быть интерпретирована как проблема о связях двух материальных структур — языка как системы знаков, выполняющей коммуникативную функцию (план выражения), и мышления — системы нейронов и их отношений, выполняющей функции управления организмом⁷.

Нет никаких оснований отвергать предположение, что мышление некоторым специфическим образом связано со знаковыми системами и прежде всего — с языком, т. е. что мышление отражает в виде акустических и зрительных образов тот материальный объект, который определяется в качестве языка как системы знаков.

По отношению к мышлению язык может быть определен в качестве формальной структуры, содержательной интерпретацией которой являются отражаемые или воссоздаваемые мышлением события действительности во времени и пространстве.

Соответствующим образом, поскольку язык и мышление — это материальные объекты, находящиеся в отношении специфической связи, семантика, включаемая в структуру мышления, может быть определена в качестве отношения сознания (мышления) к исторически сложившейся и социально обусловленной системе материальных знаков. Эта система выступает как материальное средство формализации мыслительных процессов, выходящих за пределы традиционного понимания форм логики и таких прагматических понятий лингвистики, как «полисемия», «синонимия», «антонимия», «омонимия» и др.

В связи с этим и встает проблема исследования наиболее общих семантических процессов, установление семантических моделей и описание их средствами, отличными от формальных структур естественных языков.

На данном этапе знаний о центральной нервной системе (нейрофизиологии) количественный анализ синхронного отношения мышления (семантики) к знакам представляется лишь объективной основой для построения различного рода физиологических гипотез, реализуемых при помощи экспериментальных психо-физиологических методов⁸.

Несмотря на то что структурная лингвистика заняла прочное место в теории современной науки, наука нуждается в разработке своих основных понятий, с точки зрения которых предстоит осуществить исследование элементов структуры языка в ее отношении к структуре мышления: «Высокоразвитая речевая система человека аналогична математической алгебре; может быть, это и создало возможность ее дальнейшей формализации до «логической алгебры» Буля и др. Эта аналогия не бросается сразу в глаза, по-видимому, только вследствие нашей привычки пользоваться речью... Ее номинативные символы: имена, знаки качеств, причастные формы и т. д.— представляют собой условные фонемы или графемы, обозначающие различные содержания в составе мыслительного процесса... Но, может быть, величайшим открытием на заре человеческого разума явились как раз именно эти операторы — слова и мысли, во всяком случае безмерно более значительным, нежели создание слов — номинантов, почему-то до сих пор являющихся единственными представителями речи в словниках, с которыми оперируют адепты второй сигнальной системы»⁹.

В советском языкознании на правах абстрактной теории знака или сигнала, противопоставляемой концепциям Л. Ель-

мслева и Ч. Морриса, до сих пор принимается условно-рефлекторная гипотеза И. П. Павлова. Эта гипотеза представляется вполне вероятной как интерпретация самого соотношения между языком и мышлением, или соотношения между обеими сигнальными системами. Бесспорно доказанным положением этой гипотезы является формула об общей обусловленности поведения человека (высшего животного) работой центральной нервной системы. В качестве этого общего положения условно-рефлекторная концепция остается исходной материалистической посылкой для объяснения поведения человека в целом. Однако эта концепция не проливает ни малейшего света на функционирование специальных элементов структуры человека и в особенности двигательных, а среди двигательных — моторных, наиболее сложных и тонких процессов, такие, как артикуляция, ее воспроизведение, акустическое восприятие и их идентификация.

Современное состояние нейродинамики позволяет преодолеть затруднения, встретившиеся на пути павловской школы.

Широкое обсуждение природы и функции языковых и неязыковых знаковых систем в печати и на теоретических конференциях вызвало общую тенденцию материалистического определения языкового знака, с одной стороны, и выдвинуло в качестве важнейшей проблему значения и отношения между знаком и значением, — с другой. Проблема значения оказалась в центре внимания лингвистов, логиков, психологов и физиологов. На предварительном этапе обсуждения¹⁰ было обнаружено лишь наличие различных точек зрения, что сыграло положительную роль, но само по себе не привело к положительному решению поставленного вопроса. Со своей стороны автор данной работы полагает, что первым шагом на пути решения этой проблемы является определение природы того, что охватывается терминами *значение, содержание, смысл* в лингвистике и логике. Это теоретическое обоснование природы значения должно предшествовать разработке методов его исследования, так как неопределенность «семантического» объекта дает основание самой лингвистике рассматривать язык в целом как отражение логических, психических, эстетических и социальных структур, благодаря чему специфика языка как особой системы знаков растворяется в других объектах. Для языкознания, таким образом, проблема природы значения перерастает в проблему самого лингвистического объекта. Проблема семантики является актуальной для лингвистов и философов, так как истинность определения объекта науки имеет научную ценность сама по себе¹¹. И этим, как сказал Л. Больцман, теория оправдывает свое практическое приложение: «*Нет ничего более практического, чем хорошая теория*». В самом деле, в современном языкознании, как в советском, так и в зарубежном, лингвистический объект — язык

получает то или иное определение в зависимости от признания семантики языковой или неязыковой (логической, психической) структурой, что находит отражение в затянувшейся полемике между так называемыми «менталистами» и «антименталистами»¹². Бесплодность этой полемики объясняется прежде всего тем, что в «ментализме» и «антиментализме» лингвисты усматривают лишь формальное противопоставление «точек зрения» в рамках научного сосуществования, т. е. оставляют в стороне анализ и определение того, как каждая из этих точек зрения определяет природу семантики и природу соотношения знака и значения — на идеалистической или материалистической философской основе, что, как известно, является критерием истинности определения объекта науки. В самом деле, согласно, например, менталистской концепции языка, находящей признание у многих советских лингвистов, любая коммуникативная знаковая система, и прежде всего язык, определяется как соотношение уровней «выражения» и «содержания», знака и значения, а в философских терминах — материального (звуковая сторона знака) и «идеального» (смысловая, содержательная, значимая сторона знака). До сих пор это положение о двусторонней природе знака¹³ принималось лишь в качестве аксиомы: единственной опорой ее являлась самоочевидность («общезвестность» признания дуализма знака и значения), что решительно должно быть отвергнуто в пользу научных аргументов, которые до сих пор еще не развернуты сторонниками этой концепции. В связи с этим как в собственно лингвистическом, так и в более широком — семиотическом аспекте (логические, математические и другие рационализированные знаковые системы, которые объединяются названием искусственных или неязыковых знаковых систем) встает проблема природы значения или уровня содержания, а также проблема соотношения между знаком и значением. Определение природы знака и значения вырастает, таким образом, в важнейшую научную проблему, в которой особое место принадлежит разграничению онтологического и гносеологического аспектов семантики в целом. (См. постановку знаковой проблемы именно в этих аспектах в статье А. Г. Волкова и И. А. Хабарова «Онтологический и гносеологический аспекты знаковой проблемы» в сб. «Законы семантического развития в языке», Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961.) В этой большой работе должны объединить свои усилия логики, лингвисты, математики, физиологи и кибернетики. Следует подчеркнуть, что недостаточное внимание к онтологическому и гносеологическому аспектам природы семантики привело к тому, что среди части советских лингвистов нашел признание неопозитивистский взгляд на различные языковые системы как средство построения «модели мира». Эта концепция нашла отражение в ряде

докладов на симпозиуме по структурному изучению знаковых систем: «Моделирование мира осуществляется в человеческом обществе благодаря наличию ряда знаковых систем, дополнительных по отношению друг к другу»¹⁴. В философском отношении это положение непосредственно заимствовано у Л. Витгенштейна и А. Уайтхеда. Согласно Уайтхеду, знак (символ) и значение находятся в некотором «символическом отношении», в котором и символ и значение являются компонентами «опыта», определяемого Уайтхедом в качестве ощущений, восприятий, и т. д. Таким образом, и знак и значение помещаются одинаково в сферу «психического» (сознания), в котором осуществляется взаимный переход символа в значение и значения в символ. Наиболее очевидным примером, согласно Уайтхеду, способности символа и значения меняться местами является язык, который тем самым наделяется способностью непосредственно отражать действительность. Вполне понятно, что согласно этой символической концепции познания, язык, меняясь «местом» с сознанием (семантикой), определяется в качестве фактора конструирования действительности или «моделирования мира». В философском смысле — это типичная махистская концепция познания¹⁵, в лингвистическом же — это иная форма сосюррианской концепции *языка / речи*, в которой язык как система материальных знаков, т. е. как явление «психическое», помещается в сферу сознания и отождествляется с ним¹⁶. Проблема знака и значения разрешается как проблема природы психического (сознания), в силу чего оба феномена — знак и значение — утрачивают свою онтологическую специфику, а языкознание — свой материальный объект. Господство различных форм символической (иероглифической) концепции познания в философии и языкознания первой половины XX в. обусловило недостаточность разработки проблемы знака и значения и природы отношения между ними.

Лингвисты, философы, логики и математики почти единодушно признают, что те определения значения, которые функционировали в XIX — начале XX в., являются методологически неудовлетворительными, в связи с чем в современной советской науке и философии в последние годы осуществляется интенсивная разработка проблемы значения. Обсуждаемая проблема выходит за рамки теоретических определений и имеет огромное практическое значение не только для языкознания, но и для всего комплекса наук, делающих язык объектом своего рассмотрения: «Многочисленные проблемы, связанные с анализом языка, знаковых систем вообще, перестали быть сугубо теоретическими... За последние годы возникли новые области научного исследования — кибернетическое моделирование процессов мышления, машинный перевод, автоматический поиск информации и др. Их развитие в на-

стоящее время подчас сдерживается недостаточной разработанностью теоретических проблем языка и мышления, прежде всего проблемы знака и значения. Исследование этих вопросов становится сегодня актуальнейшей как теоретической, так и практической задачей»¹⁷. Определение природы семантики имеет непосредственное практическое значение для лингвистики как теоретическое основание для разработки таких явлений, как моносемия, полисемия, синонимия, омонимия, антонимия, семантическое поле и др., следовательно, и для более строгого обоснования таких лингвистических дисциплин, как семасиология, лексикология и лексикография. Достаточно отметить хотя бы тот факт, что лексикография, в которой с наибольшей остротой стоит проблема соотношения знака и значения, до сих пор не имеет объективных научных принципов. В лексикографической работе до сих пор господствует несовместимый с требованием современной науки принцип «языкового чутья», субъективизм в отборе знаков и в определении их значений. А между тем необходимость в словарях, особенно же в словарях различных областей науки и техники, приобретает исключительную актуальность. Не менее важна практическая разработка семантики для математической логики и, следовательно, кибернетики, поскольку конструирование формальных знаковых систем требует установления точных и непротиворечивых значений оперативных символов, необходимых для устранения логических противоречий в прагматических высказываниях, т. е. в языковых контекстах, знаки которых связаны с явлениями полисемии, антонимии, синонимии, омонимии и т. д.¹⁸. Именно этим объясняется неослабевающий интерес к проблеме значения со стороны лингвистов, логиков, математиков, кибернетиков и философов, стремящихся устранить разноречивость в определениях природы языковой семантики. В связи с этим представляется важным рассмотрение двух вопросов, связанных между собой: природа самой семантики и методы ее исследования. Вполне естественно, что плодотворное применение тех или иных методов, в том числе и методов формализации семантики, может осуществляться при условии, что науке хотя бы в основных чертах и свойствах известен объект, подлежащий исследованию. Со своей стороны автор поставил проблему определения природы языковой семантики в статьях «К вопросу о природе языкового знака» («Вопросы философии», 1959, № 11) и «Онтологический и гносеологический аспекты знаковой проблемы» (сб. «Законы семантического развития в языке», Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961).

В этой главе делается попытка теоретически обосновать природу именно языкового значения в соответствии с теми теоретическими поисками и теми практическими задачами, которые обнаружили при обсуждении проблемы в последнее

время; предполагается далее, что проблема методов исследования семантики представляет собой предмет специального обсуждения.

В настоящее время более или менее отчетливо сложились два основных направления в трактовке природы значения.

1. Значение — категория языковая, определяемая как явление отражения сознанием объективной действительности. Эта концепция вытекает из определения языка как средства выражения мысли, что и дает чисто логическое основание для включения значения в природу знака, обычно — в слово. Знак (слово) представляются вместилищем¹⁹, формой²⁰, оболочкой²¹ значения, смысла, содержания. Соотношение между знаком и значением формулируется как неразрывное (и при этом диалектическое) «единство». Как факт отражения, значение подводится под понятие «идеального»²² без аргументации природы как «идеального», так и значения, в силу чего само определение специфики значения как категории идеальной и вместе с тем языковой остается чисто вербальным²³ и негативным²⁴: значение — нечто «иное», отличное от понятия; значение и понятие — феномены «идеального», но они «несводимы» друг к другу. Это отражательная концепция значения в логических работах вполне, так сказать, логично приводит к отождествлению значения и понятия, а в языкознании — к априорному разграничению понятия и значения на основе определения значения в качестве «отражения отражения»²⁵. Определяя значение как категорию идеального, представители этой концепции языка оставляют нерешенным вопрос о том, каким образом семантика (идеальное) локализуется в структуре выражения языка (т. е. в знаках), с одной стороны, и как семантика реализуется (материализуется) в сознании (в идеальном), отражающем объективную действительность.

Вариантом этой концепции является представление о параллелизме значения и понятия, языковой семантики и мышления. Язык определяется здесь как имманентная система, существующая в себе и для себя; знак принципиально ограничивается от своего материального эквивалента (звука, т. е. упругой звуковой волны, буквы, т. е. светового кванта) только тем, что знак по самой своей природе и функционированию в системе выступает как объективный носитель значения, смысла, «идеального» или абстрактной ценности. Знак в отличие от физического эквивалента характеризуется не структурными и функциональными признаками, а значением: природа знака целиком исчерпывается его семиотическим аспектом. Согласно этой точке зрения, семантика определяется в качестве потенциальной, самостоятельной и независимой²⁶ (но вместе с тем языковой) системы: иными словами, семантика определяется как «система в системе»; семантика опре-

деляется в качестве особой логики языка, «семантического поля» или «предметно-логической соотнесенности». Такая интерпретация значения представляется, как говорят математики, некорректной по отношению к исходной посылке, что значение — языковая категория, поскольку оставляет открытым вопрос о том, где локализуется языковая семантика и как она соотносится с уровнем выражения (с системой знаков) и с мышлением. Здесь также не ставится вопрос о природе семантики; последняя постулируется просто как некоторая потенциальная данность, которая тем самым представляется непознаваемой и недоступной для «вторжения» объективных методов исследования. Следует решительно подчеркнуть, что распространение концепции значения как языковой категории связано с некритическим пониманием лингвистической доктрины Ф. де Соссюра, имеющей своим основанием философский дуализм²⁷. Согласно этой доктрине, значение определяется в качестве особой и «чистой ценности» (значимости), принадлежащей не материальной речи, а «психическому» языку, в котором «естественные данные вовсе не имеют места» и который не определяется ничем, кроме входящих в систему языка «чистых ценностей» (значимостей)²⁸. Эта концепция значения как абстрактной ценности, существующей автономно и параллельно мышлению, опирается на аксиоматическую теорию познания Лотце, Мюнстерберга, Шелера, Бенедетто Кроче и др.²⁹. Незавершенность теоретических проблем семантики в значительной степени сдерживаются авторитарностью рассмотренных выше концепций значения.

2. Значение — неязыковая категория. Эта концепция представляется вполне корректной тому общему взгляду на язык, согласно которому язык — система материальных знаков, приобретающих свои свойства в зависимости от специфики отношений знаков в структуре, в силу чего главной функцией знаковых систем — языковых и неязыковых — является коммуникативная функция. Лингвисты и философы, придерживающиеся первой точки зрения, совершенно неосновательно связывают концепцию неязыковой природы значения только с американским структурализмом, в частности с именем Л. Блумфилда³⁰, который действительно, будучи последовательным антименталистом, проводит взгляд, исключаящий значение из структуры лингвистического объекта. Мысль о неязыковой природе значения возникла в психологическом направлении языкознания XIX в. и была впервые сформулирована Гегелем и А. А. Потебней, а затем поддержана младограмматиками (Г. Шухардт³¹, Г. Пауль³², А. А. Шахматов³³ и др.) и формальной школой Ф. Ф. Фортунатова. Как явление психическое, значение определялось в этой концепции в качестве факта сознания и выводилось за пределы знака³⁴. Таким образом, антименталистская концеп-

ция, исключая значение из состава элементов языка, является одним из направлений в истории языкознания, однако аргументы, привлекаемые разными ее представителями в разное время, требуют в настоящее время пересмотра, поскольку сама природа значения определялась лингвистами через логику и психику человека, понимающуюся в качестве некоторой особой и независимой от материи и параллельной ей сущности³⁵ или структуры³⁶, в качестве материальных процессов мозга³⁷ или биологического и социального «поведения»³⁸.

Автор данной работы придерживается взгляда, согласно которому значение — категория неязыковая и невыводимая непосредственно из знаковой структуры языка: языковой знак, следовательно, не включает в себя значения, которое является фактом сознания (психического) и представляет собой общий объект исследования лингвистики, логики и психологии (физиологии). Знак связан со значением исторически и синхронно, в связи с чем лингвистический аспект значения представляет собой особую, но не замкнутую проблему: подобно тому как природа семантики может быть определена лишь на основе данных логики, психологии и физиологии в их диалектико-материалистической интерпретации, подобно этому и известные факты и закономерности мышления могут быть выведены из анализа языковых структур и условий их функционирования в различных социальных коллективах — носителях того или иного языка в его различных формах. В связи с этим и возникает проблема определения семантики в общей проблеме соотношения знака и значения. В советской естественно-научной и философской литературе имеются два основных взгляда на природу и сущность идеального (сознания). Оба эти взгляда опираются на естественно-научный материализм.

1) Идеальное (сознание) — функция, свойство, способность мозга³⁹, результат или продукт физиологических процессов мозга. Эта функция объективизируется в абстракциях, т. е. в логических (понятия, суждения) или психических формах (представление, образ). Этот взгляд оставляет открытым вопрос о локализации идеального, а тем самым и вопрос о его пространственно-временной характеристике. Здесь, по существу, нет определения самой природы идеального, а тем самым и семантики, которая рассматривается как составной элемент или лингвистическая функция сознания (идеального). Иначе говоря, эта концепция позволяет рассматривать семантику как некоторую особую структуру в рамках сознания. Поскольку же элементы и отношения этой семантической структуры не могут быть обнаружены непосредственным лингвистическим или психологическим анализом, постольку семантические факты отождествляются с наблюдениями психологии и с формально-логическим анализом. Кроме того, сознание

как функция мозга рассматривается в физиологии в качестве уравнивания организма человека со средой⁴⁰, а в кибернетике — в качестве функции управления организмом как замкнутой системой⁴¹.

2) Сознание («идеальное», следовательно, и «значение») определяется в качестве сложнейших физиологических процессов мозга, в которых диалектически объединены физический, химический, энергетический и биологический уровни, в силу чего сознание определяется как одна из сложнейших форм мозга⁴².

Автор настоящей работы склоняется к последней точке зрения на природу идеального и полагает, что онтологически мышление всецело определяется рамками материальных процессов мозга и сами термины — *мышление, идеальное, психическое, значение* — должны получать свою содержательную интерпретацию в соответствии с общим тезисом о естественном возникновении жизни и материальной природе сознания. То или иное, функциональное или физиологическое, определение природы сознания, «идеального» (которое понимается как сложные материальные процессы мозга), представляет важную и до сих пор спорную проблему, требующую специального обсуждения. Сам факт вхождения «значения» в класс явлений сознания, «идеального», мышления (в логике — понятие, в психологии — представление и образ), имеющих свою особую природу и структуру, привлекается как научный аргумент в пользу неязыковой природы значения. Методологически для лингвистики, логики и семиотики определение природы значения является решающим и исходным положением для соответствующей интерпретации самого соотношения между знаком и значением, структурой языка и структурой мышления. В имеющейся философской литературе проблема отношения решается лишь в абстрактном плане как отношение свойств и вещей на основе общего принципа отражения⁴³. Однако вопрос о самом материальном механизме отношения между знаком и значением остается до сих пор открытым. Сложность проблемы заключается в том, что из двух структур, связанных отношением, определенными являются семиотические структуры, но не содержательные структуры, логические и семантические. Именно этим и объясняется тот факт, почему в современной науке — лингвистике, математической логике, логической семантике, семиотике — не существует какого-либо одного принимаемого всеми специалистами уточнения понятия значение (смысл, содержание) языковых выражений⁴⁴. Наиболее распространенной концепцией соотношения знака и значения является концепция «органического вхождения значения в материальные элементы языковых знаков⁴⁵, т. е. в такие материальные элементы уровня выражения, как фонема, морфема, слово, предложение, уда-

рение, интонация. Концепция «естественной» принадлежности значения знаку, «неразрывности» и даже диалектического «единства» знака и значения, претендующая на последнее слово в науке, представляет собой, по существу, переложение античного взгляда на имя (слово) как на «значащий звук», семантический аспект которого целиком и полностью определен фонетическими границами слова — имени. Более точно, это — стоическая концепция о «природной» связи между звуком и значением» (Зенон, Хрисипп). Значение, соответственно логике этой концепции, непосредственно выводилось из звукового «впечатления» (грубость, мягкость, сила и прочие субъективно устанавливаемые «свойства» звука или буквы)⁴⁶. Известными примерами такого «выведения» значения из слова являются этимологии, предшествовавшие сравнительно-историческому методу в языкознании. Иными словами, признание языковой природы значения и неразрывной его связи со знаком ставит современного исследователя в позицию древнегреческого ономотета, который или находил в слове его значение или присваивал слову то или иное значение. Наиболее ярким примером отражения этой древней концепции соотношения знака и значения является концепция «ближней этимологии», решительно отвергнутая наиболее строгими в своем методе советскими компаративистами. Однако вопреки функциональной и физиологической концепциям мышления, различно трактующим природу идеального, но одинаково определяющим мышление и его компонент — семантику в качестве особого, соотносимого с языком, но не входящего в язык объекта, — вопреки этому концепция естественного вхождения значения в природу знака остается до сих пор наиболее распространенной. По мнению автора, эта концепция не может служить основой определения природы семантики в ее лингвистическом аспекте. В связи с этим автор считает необходимым развернуть лингвистическую аргументацию неязыковой природы значения как развитие того общего тезиса о сущности мышления (идеального, психического), который был им сформулирован выше.

Сравнительно-исторический метод оказался плодотворным в языкознании именно потому, что, во-первых, основоположники его отказались от изложенных выше концепций соотношения знака и значения, включающих значение в природу языка, и, во-вторых, что в качестве коренного принципа своей теории выдвинули принцип об абсолютно условной связи знака и значения: «Если бы мысли, выражаемые в языке, были по своей природе более или менее тесно связаны со звуками, которые их обозначают, т. е. если бы лингвистический знак своей сущностью, независимо от традиции, вызывал так или иначе определенное понятие, то единственно нужным языковеду типом сравнения был бы общий тип,

и какая бы то ни была история языков была бы невозможна»⁴⁷. Этот принцип сравнительно-исторического языкознания предполагает определение значения как неязыковой категории, а огромный материал исторических и синхронных исследований самых разнообразных языков представляет бесспорный аргумент, свидетельствующий о невозможности выведения семантических фактов непосредственно из формального уровня языка как в его эволюции, так и на любом синхронном срезе. В самом деле, например, статистический анализ употребительности падежей русского языка с XVII в. и по направлению к современному состоянию обнаруживает тенденцию увеличения конструкций с родительным падежом в разных стилях. Объяснение этой закономерности не может быть выведено ни из особенности значения самой этой формы, ни из системы склонения, т. е. не может быть выведено непосредственно из функционирующей системы знаков. Причина этой закономерности лежит за пределами знака, в мышлении, точнее, в отношении мышления к знакам, называемым «формами падежей»: «Едва ли кто вздумает искать причину различной употребительности падежей в особенности их формы. Ведь форма родительного падежа во всех типах речи, а употребительность различна. Зато как будто легче всего объяснить эти различия реальными значениями тех отношений, с которыми связаны падежи. Значит, действительность развивает те отношения, которые выражаются родительным падежом, и изживает те, на каких специализировался дательный. Но между современной падежной системой и реальными отношениями, которые она выражает, соответствия не больше, чем между грамматическим родом слов и физическим полом объектов. В самих обозначаемых действиях искать объяснения различию форм *подал стул — не подал стула*, то же, что отыскивать в обозначаемых предметах признаки, по которым *потолок* мужского рода, *стена* — женского, а *окно* — среднего. *Любить девушку* (вин.), *не любить девушки* (род.), *любовь к девушке* (дат.), *восхищаться девушкой* (твор.), *тосковать о девушке* (предл.) — и какие невероятные натяжки нужны, чтобы оправдать эти различия разной степенью овладения объектом и т. п. определениями. Тщетно сокрушаться над бесплодностью попыток определить единое логическое значение падежа. Сегодня даже скромный дательный означает отношения совершенно несводимые: *подари ему, ему холодно, по приказанию, по морю, учиться музыке, конец войне* и пр.»⁴⁸. Неязыковая природа значения столь же объективно выступает и на уровне членения речевого потока при помощи экспериментально-фонетических методов, позволивших установить, что фонемы, как дискретные лингвистические элементы, формируются в качестве акустических «типов» или «типических» звуков и функционируют в качестве «смыслоразличичи-

телей» в сознании (воспроизведение и хранение звуковых образов в памяти), а не в самом речевом потоке: «Обычно за основу членения потока речи исследователи принимают лингвистический критерий (т. е. критерий значимости лингвистических элементов.— А. В.), а при анализе речи исходят из предположения, что различные звуки речи объединяются в одну фонему, благодаря наличию в них некоторых общих акустических параметров. Результаты анализа речи и их проверка на установках по автоматическому различению звуков не дали положительных результатов»⁴⁹.

Не менее вескими аргументами в пользу неязыковой природы значения являются этимологические и собственно семасиологические исследования. Этимологические исследования представляют, по существу, операции на двух уровнях: во-первых, восстановление, реконструкция «истинной» материальной формы языкового знака на основе закономерных звуковых и формальных соответствий в родственных языках; во-вторых, чисто дедуктивную обработку так называемых экстралингвистических данных материальной культуры, социологии, палеонтологии, этнографии, археологии, которые или чисто эмпирическим путем, привносящим в исследование значительную долю интуитивизма, или на основе вероятностного или статистического метода обобщались и обобщаются в этимоны так называемого языкового «значения»: «Лингвист занимается этимологией только для того, чтобы собрать возможно большее количество сходных семантических явлений и вывести из них законы развития значения слова. Эти законы никогда не заключаются в самих словах. Ошибка Дермстера в его книге заключается в утверждении, что существует внутренняя логика, управляющая семантическими изменениями слова. Автор не вышел за пределы схоластических понятий катахрезы и метонимии»...⁵⁰. Поэтому наиболее объективными оказываются те современные этимологические исследования, которые принципиально строятся на признании неязыковой природы значения.

Нелингвистический характер так называемых семасиологических категорий (полисемия, моносемия, омонимия, синонимия, антонимия) вытекает из определения и анализа этих категорий самими сторонниками взгляда на природу значения как явление языковое. И это не парадокс, а обычная непоследовательность, отражающая путаницу и недостаточность философского и научного определения «идеального», бытующего в языкознании. Полисемия (многозначность) определяется, например, как «перенос» значения по функции или как результат, «сужения» или «расширения значений». Так Ж. Вандриес объясняет значение французского слова *habit* «одежда» «сужением» значения этого ранее основного слова (*habit* «состояние») в некотором семантическом «генезе», в

силу чего в этот процесс были вовлечены и другие словообразовательные формы (*habiller* «приводить в состояние» > «одевать», *habilleur* «костюмер», *habillement* «одевание», *déshabiller* «раздевать» и т. д.)⁵¹ Подобное же движение форм можно вскрыть и в любом другом языке. Так, например, в древнерусском языке прилагательное *исто* (*истый*) имело значение «верное», «правильное», «справедливое», как и образованное от него существительное *истина*: «Он же повелѣ призвати ꙗ к себе, хотѣ истѣꙗ слышати от нихъ» (Нест. Бор. Гл. 42); «Да допроводити ть къ великому князю Русскому Игореву и к людемъ его, и ти, принимающе харатью на роту, идуть хранити истину» (Дог. Игор. 945 г.). В юридических текстах (начиная с «Русской Правды») прилагательное *исто/истый* представлено в значении «некоторая сумма, выплачиваемая по суду или по договору одной из сторон»: «Ино ден ему платитися въ истое на два года безъ росту» (Грам. Б. елоз. кн. Мих. Андр. и в. к. Вас. Вас. ок. 1450). В соответствии с этим соблазнительно было бы и сужение значения существительного *истина* «капитал» («Платиши исцеву истину безъ росту». Судебн. 1497 г., 139) вывести непосредственно из факта изменения значения основного слова данного семантического гнезда. Однако в дальнейшем в литературном языке прилагательное *истое* и существительное *истина* утратили значение «капитал», тогда как в диалектах русского языка еще в XIX в. слова *истое* и *истина* связывались со значением «наличность, капитал»⁵². Таким образом, изменение значения той или иной семантической группы слов или семантической микросистемы обусловлено не «поведением» того или иного знака, «увлекающего» за собой все остальные знаки данного семантического «гнезда», а мышлением, так как по самой своей природе знаки абсолютно условно связаны со значением, и, будучи элементами различных объектов (знаки — элементы коммуникативной системы, значение — элементы «психики», мышления) знаки и значения функционируют и развиваются в силу различных закономерностей, которые не совпадают в связанных уровнях данной языковой системы, с одной стороны, и в структуре мышления, — с другой. Это различие закономерностей языка и мышления (семантики) очень строго и точно сформулировал Е. Курилович: «Никто не сомневается в том, что с лингвистической точки зрения значение слова *есть* в сочетаниях *есть яичницу* и *есть яблоки* тождественно, хотя физиологическая разница между этими двумя действиями довольно значительна»⁵³. Более того, даже в пределах самой языковой системы знаков закономерности развития проявляются различно в зависимости от специфики того или иного типа знаков, что непосредственно не обусловлено системой значений, развитие которых лежит в сфере мышления, психического. Этот принцип строго

аргументирован сравнительно-историческим языкознанием и выведен из анализа соотношения индоевропейских языков, т. е. из объективного развития известных знаковых систем как таковых. А. Мейе отмечал, что между «фонетическими законами» и «морфологическими законами» существует различие: «Когда какая-либо артикуляция изменилась, новая артикуляция заменяет старую во всех случаях, и новые поколения уже не в состоянии произносить по-старому; например, в области Иль-де-Франса после совершившегося перехода смягченного *l* в *y* уже не осталось ни одного смягченного *l*; равным образом ни одного *y* (согласное *i*) не сохранилось после того, как согласное *i* латинского языка перешло в *dž*, изменившееся затем в *ž* (пишется *j*): вместо латинских *iacet* «лежит», *iūs*, «похлебка» и т. п. в современном французском языке может быть только [^]*gît* «почиет», *jus* «сок». Наоборот, когда изменяется какой-либо морфологический тип, некоторые формы того же типа, утвердившиеся в памяти, могут продолжать свое существование; так, в индоевропейском языке существовал тип настоящего времени глагола, характеризующийся присоединением окончаний непосредственно к корню и чередованием огласовки корня — с наличием *e* в единственном числе и с отсутствием *e* во множественном числе; например, гр. $\epsilon\acute{\iota}$ = $\mu\acute{\iota}$ «иду», «пойду» и скр. $e = m\acute{i}$ «иду» (древнее * $a\acute{i} = m\acute{i}$), множ. ч. $i = m\acute{a}h$ «идем»; этот тип, прежде игравший важную роль, исчез из употребления во всех индоевропейских языках, но ряд форм глагола «быть» сохранил его до настоящего времени, так как частое употребление укрепило их в памяти; поэтому латинский язык еще имеет по древнему типу $es = t$: $S = unt$, откуда фр. (il) est : (ils) $sont$; точно также немецкий язык имеет (er) $is = t$: (sie) $s\text{-}ind$. Тип исчез задолго до первого закрепления на письме латинского или немецкого языка, но одна из его форм живет»⁵⁴.

Таким образом, о значении знака можно говорить лишь в том отношении, которое существует между мышлением и знаками на разных этапах его развития, обусловленного, в свою очередь, различными причинами, непосредственно не выводимыми из эволюции знаков и языковых структур в целом. Это — отношение мышления к знакам, дифференцированное не только во времени, но и в пространстве. Последнее резюмируется как отношение мышления различных носителей языковых знаков, т. е. как отношение некоторых социальных коллективов к одной и той же системе знаков и к разным языковым системам⁵⁵. Следовательно, формы взаимоотношения значений (полисемия, синонимия, омонимия, антонимия) являются результатом логического анализа, т. е. осуществляются не на «внутренней логике» языка, не на основе «потенциальной» семантической системы, а представляют собой логические

операции мышления, отражающего реальные объекты и их связи и опирающегося в этих своих операциях на материальные языковые знаки. Так называемые типы и разновидности значений — это приемы и способы мышления, давно известные в аристотелевской и формальной логике. Разумеется, этих приемов значительно больше, и они сложнее, чем это предполагалось в традиционной логике, но это, по-видимому, и является тем, что связано с так называемым семантическим уровнем сознания, но сознания, а не языка. В символической логике и математике эти операции осуществляются более точно, чем в языкознании, но ни логики, ни математики не выступают с заявлением, что логические и математические значения являются внутренним свойством знаков, что знаки представляют собой «вместилище», «оболочку» значений. В самом деле, наука, философия и техника — вообще человеческое мышление не сделало бы известных своих успехов, если бы люди все время помнили, что знаки языка, а также логические, математические, физические, химические и другие символы имеют значение, заключенное в них самих. Каждый математик и астроном в обычном смысле употребляет выражение *Солнце восходит и заходит*, но на уровне науки они доказывают, что эти знаки имеют прямо противоположное значение. История значения и его формирование лежат за пределами самой звуковой системы. Лингвисты-структурной ориентации приняли как доказанный научный аргумент, что многие морфологические, синтаксические и лексические факты находятся в сфере психического, в частности и подсознательного, если исходить из определения, что сознание — функция мозга или что сознание локализуется в особой области нейронных связей головного мозга, если исходить из признания сознания в качестве физиологического процесса. Таким образом, семантические факты самими лингвистами интерпретируются как факты сознания, в силу чего дальнейший успех семантических исследований, которые в традиционном языкознании определились как чисто языковые исследования, теперь становятся в прямую зависимость от успехов логики, психологии и уровня познания физиологических процессов центральной нервной системы: «Экспериментальные исследования в области семантических полей, вероятно, покажут некоторые пути для стратификации уровней сознательного и бессознательного в семантике и через нее — в этимологии»⁵⁶. Разумеется, что и понятие и значение формируются на основе отражения сознанием материальных объектов, в силу чего эти операции мышления отраженными объектами обуславливают различие в самих понятиях и значениях. Однако дальнейшее функционирование мышления на том его уровне, которое определяется как специфически человеческое мышление, следовательно, формирование понятий в их связях

обусловлено операциями при помощи материальных субститутов, заместителями объектов (в том числе и объектов самого мышления) в виде сигналов, символов, знаков: «...при действительном обмене абстракция должна быть, в свою очередь, овеществлена, символизирована, реализована посредством [какого-либо] знака»⁵⁷. Поскольку «язык так же древен, как и сознание», постольку, как отмечалось раньше, нет никаких оснований отвергать предположения, что мышление некоторым специфическим образом относится к знаковым системам и прежде всего — к языку, т. е. что мышление особым образом отражает тот материальный объект, который определяется в качестве языка как системы знаков. Проблема природы значения (в языкознании, логике, математике, в общем — в семиотике), в отличие от понятия, должна решаться в плане специфического отношения мышления к социальным системам языковых и неязыковых знаков. Значение в отличие от понятия может быть определено как отношение сознания (мышления) к исторически сложившейся и социально обусловленной системе материальных знаков, которые являются опорой для анализирующей и обобщающей (абстрагирующей) деятельности сознания. Однако функционирование знаков в определенной исторически и структурно обусловленной знаковой системе может быть интерпретировано не как передача мысли от одного индивидуума к другому, а как коммуникативный процесс, вызывающий более или менее адекватную семантическую реакцию в сознании индивидов, использующих данную систему знаков. Функционально язык как система материальных знаков является только импульсом, возбуждающим сходную мысль (значение), которая развивается в человеке в прямой зависимости от его личности: «Воспринимающий чужую речь, таким образом, развивает свою собственную мысль, а не принимает только чужую мысль, выраженную в словах говорящего»⁵⁸. Таким образом, гипотетически, в пределах идеального (сознания) семантика как отношение сознания к языковым и неязыковым материальным системам знаков может быть определена в качестве результата дальнейшей трансформации абстракций самого мышления, формирующихся в качестве отражения действительности; новые абстракции мышления, как и синхронные связи наличных абстракций, всегда опираются на известную систему уже «готовых» (в смысле исторически сформировавшихся) знаков, что и является причиной изменения значений, причиной «семантического» развития в собственно лингвистическом плане.

Предлагаемая концепция значения (как отношения сознания к разным системам знаков) позволяет, с одной стороны, более последовательно осуществлять семасиологические, лек-

сикологические и лексикографические исследования как содержательные интерпретации языковых знаковых структур. Эти содержательные интерпретации должны охватывать данные логики, психологии, физиологии, истории, социологии, искусства, т. е. все то, что принято условно называть экстралингвистическими данными. В традиционном языкознании все эти данные привлекались для определения значения языковых знаков. Однако, привлекая их, традиционное языкознание проводило границу между ними совершенно неосновательно, субъективно определяя одни в качестве лингвистических, другие в качестве нелингвистических значений, что создает до сих пор путаницу в определении лингвистического объекта, следовательно сдерживает применение методов, в наибольшей мере соответствующих природе семиотических и семантических объектов. С другой стороны, предлагаемая концепция позволяет подойти к решению проблемы более объективного анализа семантики на основе формального описания; поскольку семантика органически входит в структуру мышления, постольку к семантике приложимы и нелингвистические методы исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

к главе пятой

1. См. И. И. Срезневский. Афинский язык в России. «Отечественные записки», 1839, т. V, № 8 — 9, стр. 1—5.
2. Там же, стр. 12.
3. См. И. Фридрих. Дешифровка забытых письменностей и языков. М., ИЛ, 1961, стр. 152 и др.; Э. Добльхофер. Знаки и чудеса. М., ИВЛ, 1963, стр. 293—331 и др.
4. Л. П. Теплов. Очерки о кибернетике. М., «Московский рабочий», 1963, стр. 193; см. Ф. Джордж. Мозг как вычислительная машина. М., ИЛ, 1963, стр. 67—68.
5. См. А. М. Пешковский. 10 000 звуков. Сборник статей. Л., 1925.
6. А. Н. Колмогоров. Автоматы и жизнь. В сб. «Возможное и невозможное в кибернетике». М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 17; см. также В. М. Арциховский. О материальности психики и предмете психологии. «Советская педагогика», 1954, № 7.
7. С. М. Берг. О некоторых проблемах кибернетики. ВФ, 1960, № 5, стр. 24—26.
8. Ю. Д. Апресян. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. В сб. «Проблемы структурной лингвистики». М., Изд-во АН СССР, 1963.
9. Н. А. Бернштейн. Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой. В сб. «Философские проблемы физиологии высшей нервной деятельности и психологии». М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 305.
10. См. Тезисы симпозиума «Проблема значения в лингвистике и логике» (МГУ, 1963) и конференции «Проблемы формализации семантики языка» (1 МГПИИЯ, 1964).

11. См. Л. Фейербах. Основа философии будущего. М., ГИЗ, 1936, стр. 95—96.
12. См. изложение существа дискуссии в работах: М. М. Гухман. Лингвистическая теория Л. Вейсгербера. В сб. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., Изд-во АН СССР, 1961; В. А. Звегинцев. Проблема значения в современном зарубежном языкознании. В сб.: «Новое в лингвистике», вып. II. М., ИЛ, 1962.
13. См. Л. О. Резников. Понятие и слово. Изд-во ЛГУ, 1958; В. И. Мальцев. Значение и понятие. «Проблема значения в лингвистике и логике». Тезисы симпозиума. Изд-во МГУ, 1963; Т. П. Ломтев. О природе значения языкового знака. ВФ, 1960, № 7 и др.
14. См. тезисы «Симпозиума по структурному изучению знаковых систем». М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 3—9, особенно стр. 6.
15. См. А. А. Якушев. Субъективно-идеалистический смысл символизма А. Уайтхеда. ВФ, 1962, № 12.
16. См. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 87—88 и др. Отражение этой концепции см. в материалах конференции «Язык и речь» (I МГПИИЯ, 1962). См. тезисы докладов В. Д. Аракина, Б. В. Беляева, В. В. Белого, Г. С. Клычкова, Т. П. Ломтева, Н. А. Слюсаревой, М. Д. Степановой, Е. М. Галкиной-Федорук и др.
17. М. Б. Митин. Марксистско-ленинская гносеология и проблема знака и значения. ВФ, 1963, № 6, стр. 15.
18. См., например, Р. Карнап. Значение и необходимость. М., ИЛ, 1959, стр. 334—356.
19. См. Е. М. Галкина-Федорук. О форме и содержании в языке. В сб. «Мышление и язык». М., Госполитиздат, 1957.
20. См. О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., Учпедгиз, 1957, стр. 43—44, 52—53.
21. См. М. Б. Митин. Ук. соч.
22. См. Т. П. Ломтев. Ук. соч.
23. См. О. С. Ахманова. Ук. соч.
24. См. Д. П. Горский. Роль языка в познании. В сб. «Мышление и язык» (см. 19); П. С. Попов. Значение слова и понятие. ВЯ, 1956, № 6, стр. 40.
25. См. Е. М. Галкина-Федорук. Цит. соч.; Л. О. Резников. Цит. соч.
26. См. В. А. Звегинцев. Семасиология. Изд-во МГУ, 1957, стр. 101, 111—113, 120, 125, 127, 161; Р. А. Будагов. К критике релятивистских теорий слова. В сб. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 13—15; Г. Н. Щедровицкий. «Языковое мышление» и его анализ. ВЯ, 1957, № 1.
27. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 87, 89, 92.
28. Там же, стр. 89; см. критику этой концепции в докладах А. Г. Волкова, Г. В. Колшанского, Г. Н. Щедровицкого, В. Н. Ярцевой на конференции «Язык и речь» (см. 16).
29. См. А. Г. Волков. О теоретических основаниях дихотомической гипотезы *языка — речи* Ф. де Соссюра. «Вестник МГУ», серия филология, журналистика, 1964, № 2.
30. См. L. Bloomfield. Language. New York, 1933, стр. 139, 140, 162.
31. См. Г. Шухардт. Избранные статьи по языкознанию. М., ИЛ, 1950, глава «Выражение отношения в языке».
32. См. Г. Пауль. Принципы истории языка. М., ИЛ, 1960, глава IV.

33. См. А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1925.
34. См. Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды по языкознанию, т. I. М., Учпедгиз, 1956, стр. 111—124.
35. См. А. А. Потебня. Мысль и язык (СПб., 1862); М. М. Покровский. Семасиологические исследования в области древних языков (М., 1895).
36. См. В. Вундт. Основы физиологии и психологии, т. 3. СПб., 1911; Ф. Паульсен. Введение в философию. М., 1892.
37. См. И. М. Сеченов. О предметном мышлении с физиологической точки зрения. «Избранные произведения». М., Учпедгиз, 1953; Э. Геккель. Мировые загадки. М., ГИЗ, 1937, В. Бехтерев. Общие основы рефлексологии человека. Пг., 1923.
38. См. Д. Б. Уотсон. Психология как наука о поведении. М.—Л., 1926; Эдуард Ли Торндайк. Принцип обучения, основанный на психологии М., 1930.
39. См. А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., Изд-во АПН РСФСР, 1959, стр. 20—23; Н. П. Антонов. Диалектический материализм — основа теоретической психологии. ВФ, 1958, № 1; А. А. Асратян. Высшая форма процесса отражения. ВФ, 1956, № 3; М. Б. Митин. Материальное и идеальное. ВФ, 1962, № 7; Е. В. Шорохова, В. М. Каганов. Некоторые вопросы психологии. ВФ, 1962, № 7.
40. См. И. П. Павлов. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. М.—Л., 1927, лекции 1 и 23.
41. См. С. М. Берг. О некоторых проблемах кибернетики. ВФ, 1960, № 5, А. Н. Ивахненко. Техническая кибернетика. Киев, 1962, стр. 24—25 и др.
42. См. В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. М., Госполитиздат, 1945, гл. VI, п. 5; И. М. Сеченов. Предметная мысль и действительность; О предметном мышлении с физиологической точки зрения. «Избранные произведения». М., Учпедгиз, 1953; Э. Геккель. Мировые загадки. М., ГИЗ, 1937 — гл. VI, VII, VIII, особенно стр. 438—439; В. Бехтерев. Общие основы рефлексологии человека. Пг., 1923; В. М. Архипов. О материальности психики и предмете психологии. «Советская педагогика», 1954, № 7; см. статьи П. К. Анохина, Н. А. Бернштейна, Л. Г. Воронина в сб. «Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии». М., Изд-во АН СССР, 1963 и мн. др.
43. См. Д. П. Горский. Вопросы абстракции и образование понятий. М., Изд-во АН СССР, 1961; Б. М. Кедров. О количественных и качественных изменениях в природе. М.—Л., Госполитиздат, 1946; Н. Ф. Овчинников. Качество и свойство. ВФ, 1960, № 5; А. И. Уемов. Вещи, свойства и отношения. М., Изд-во АН СССР, 1963.
44. См. Б. В. Бирюков. О методологических аспектах проблемы в символической логике. Тезисы докладов симпозиума «Проблема значения в лингвистике и логике». Изд-во МГУ, 1963, стр. 33.
45. См., например, В. А. Звегинцев. Проблема значения в современном зарубежном языкознании. В сб. «Новое в лингвистике», вып. II, 1962.
46. См. И. М. Тронский. Проблема языка в античной науке. В сб. «Античные теории языка и стиля». М.—Л., Соцэкгиз, 1936.
47. А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., ИЛ, 1954, стр. 11—12.
48. В. А. Никонов. Статистика падежей русского языка. В сб. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 3 (10). М., 1 МГПИИЯ, 1959, стр. 58.
49. Н. И. Дукельский. Принципы сегментации речевого потока. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 3—4.

50. Ж. Вандриес. Язык. М., Соцэкгиз, 1937, стр. 183—184.
51. См. там же, стр. 184.
52. См. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. СПб., 1881.
53. Е. Курилович. Заметки о значении слова. «Очерки по лингвистике». М., ИЛ, 1962, стр. 240.
54. А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., Соцэкгиз, 1938, стр. 65.
55. См. А. М. Селищев. Язык революционной эпохи. М., 1928; В. Жирмунский. Национальный язык и социальные диалекты. Л., ГИХЛ, 1936; см. Стойков. Социальные диалекты. ВЯ, 1957, № 1; А. Г. Волков. Микролингвистика. НДВШ, «Филологические науки», 1962, № 1.
56. В. Н. Топоров. Некоторые теоретические основания этимологического анализа. ВЯ, 1960, № 3, стр. 54.
57. «Архив Маркса и Энгельса», т. IV. М., Партиздат, 1935, стр. 61.
58. В. Бехтерев. Общие основы рефлексологии человека, стр. 34.
-

VI

ПОНЯТИЕ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И СТРУКТУРЫ

Современное понятие структуры, приводящее к понятию изоморфизма, выдвигает свои критерии, которые представляются столь же законными, как и предшествующие.

В частности, за основу предлагаемой классификации принимается критерий природы той или иной коммуникативной системы. Соответственно этому и сами структуры выступают со стороны своих количественных характеристик, т. е. в общем — как простые, сложные, независимые и зависимые¹.

Эта классификация на основе отношения между «простым» и «сложным», «малым» и «большим» не является произвольной, как это может показаться на первый взгляд. Речь идет о некоторых крайних пределах, рамки которых относительны, но сами центры, как точки отсчета, могут вполне объективно представлять картину соотношения различных по своей природе коммуникативных систем, которые по отношению к некоторым другим могут занимать позицию как простых, так и сложных. Более того, в структуре языка, например, выделяются единицы простые и сложные — «низшего» и «высшего» порядков на основании достаточно строгих аргументов². Подобное различие не является эмпирическим фактом лингвистики и семиотики, но имеет общеметодологическое обоснование как в соотносительных понятиях, высших и низших формах движения материи³, так и в понятиях соотношения микро- и макрообъектов и соответствующих структур, укладывающихся в рамки математических уравнений⁴.

Строгая научная интерпретация фактов позволяет сформулировать тезис, что современная лингвистика не может более оперировать терминами «старые» и «новые» понятия, «традиционные» и «структурные» взгляды, но должна стремиться к рациональному синтезу истинных понятий и преодолению ложных понятий оружием теоретических аргументов.

Учитывая специфику коммуникативной природы знаковых структур, можно представить следующую схему соотношения семиотических объектов.

Характер коммуникации	Структура		Отношения элементов внутри структуры
	простые	сложные	
Мотивированный (детерминированный), статистический	знаки типа „да“ — „нет“	языки животных	1) оппозиции 2) закрытость
Вероятностный (условный), динамический	письмо	язык	1) оппозиции 2) номинанты, операторы 3) открытость
Конвенциональный, статистический	знаки уличного движения	математические знаки, эсперанто	1) оппозиции 2) номинанты, операторы 3) закрытость

Все эти знаковые системы не только выступают на уровне изоморфизма (тождества), но и обнаруживают различия. Это обстоятельство выявляет тот формально-логический механизм, на основании которого одни знаковые системы преобразуются диалектически друг в друга, а не сменяют друг друга, лежат друг за другом в определенной иерархии, а не друг возле друга. Так, до сих пор остается почти неизвестным тот факт, что именно Гегель ввел основное ограничение для понятия «язык», определив его термином *звуковой язык*, детерминируемый артикуляцией, в отличие от буквенного языка. В основе этих видовых понятий, объединяемых родовым термином *знак*, лежит различие Гегелем чувственности (звуковой, артикулируемый знак) и интеллигенции (письменный знак).

Сам этот принцип разграничения двух знаковых систем представляется чрезвычайно глубоким, свидетельствующим о том, что артикуляционно-фонетическую знаковую систему Гегель генетически связывал с физиологической природой человека, что ставило человека в один ряд с высшими животными и их чувственными знаковыми системами, тогда как письменную (графическую) знаковую систему Гегель связывал с совершенно новым и высшим уровнем эволюции сознания, которое оказалось в состоянии исследовать свои собственные понятия; или иначе: артикуляционно-звуковую знаковую систему Гегель связывал с рассудком, тогда как графическую знаковую систему — с преобразованным из рассудка разу-

мом⁵. В связи с этим обращает на себя внимание и характеристика обеих этих структур. «Слышимое или временное и видимое или пространственное имеют, правда, каждое свою собственную основу, первоначально одинакового значения с другой; но у буквенного письма есть только одна основа и к тому же в том правильном соотношении, что видимый язык относится к звучащему только как знак; интеллигенция обнаруживается непосредственно и безусловно при содействии речи. Опосредствование представлений через нечувственную сторону звуков обнаруживается затем в своеобразно существенных чертах в последующем переходе от деятельности представления к мышлению — в памяти»⁶. Это положение Гегеля заслуживает особого внимания. Обнаруживая противоречивую природу вещей, мышление использует прием описания этих вещей через другие вещи, которые, не будучи исследованы непосредственно, принимаются в качестве непротиворечивых.

Реализацией этого приема являются различные системы знаков. Однако и здесь при описании объектов в знаках одной системы, например в знаках артикуляционно-звукового языка, обнаруживается противоречие в содержательной интерпретации. Эта «противоречивость» относится и к природе самих знаков, что, впрочем, вполне естественно, поскольку значение (семантика) и есть постоянная содержательная интерпретация знаков. Поэтому, чтобы избавиться от противоречивости содержательных интерпретаций, являющихся отражением противоречивости самих вещей, связанных условно со знаковой структурой А, мышление должно перейти к некоторой знаковой структуре В, которая аксиоматически принимается непротиворечивой. Соответственно этому появляется необходимость перехода к структуре С.

В этом, как нам представляется, и заключается смысл теоремы Гёделя: «...непротиворечивость теоретического языка (т. е. языка, которым оперирует наука) не может быть доказана в нем самом»⁷.

Эта идея Гегеля — Гёделя позволяет автору данной работы сделать допущение об одном из важных свойств знаков, о чем до сих пор не говорилось в научной литературе, а именно допущение о существовании закона знакового (или символического) отношения, но принципиально отличающегося от соответствующего понятия Уайтхеда. Как известно, согласно Уайтхеду, символическое отношение — это отношение между знаком и значением, которое является отражением соответственно двух типов опыта — чувственного (знак, ощущение) и логического (понятие, значение); таким образом, и знак и значение в символическом отношении Уайтхеда выступают одинаково в сознании, в силу чего и могут меняться местами.

Знаковые отношения — это взаимный переход знака в знак в рамках одной структуры или взаимный переход друг в друга разных знаковых структур, допускаемый степенью изоморфизма этих структур. Именно это знаковое отношение и привело Гёделя к его теореме. Но подобное же знаковое отношение существует и между всеми, по степени их изоморфизма, специальными знаковыми структурами, включая и естественный язык. Вот пример такого знакового отношения: «Это (понятие «голого» электрона.— А. В.), как я полагаю, один из путей, по которому следует пытаться развивать нашу физическую картину. А именно, необходимо ввести идеи, делающие непостижимыми те вещи, которых нам не хотелось бы иметь. Здесь вновь мы получаем картину, которая выглядит приемлемой, однако мне не удалось найти подходящих уравнений для ее выражения»⁸.

С другой стороны, до известного уровня естественный язык не препятствует строго формальному описанию картины мира.

Как видим, в случае невозможности формализации некоторого физического процесса, выступающего в сознании «как содержание» на высшем знаковом уровне (теоретический язык математики) коммуникации, определение возвращается на низший знаковый уровень. Эти переходы оказываются возможными на основе изоморфизма, определяемого нами в семиотике в качестве знакового отношения. Однако изоморфизм — это только одна сторона знакового отношения. Другой его стороной является «несводимость» знаковых структур. Это понятие требует специального объяснения, что нашло место у Гегеля в принципиальном разграничении двух знаковых структур: артикуляционно-звуковой и письменной. Здесь же следует отметить, что именно забвение понятия «несводимости», известное в физике как закон несводимости высших форм к более общим и простым, ведет к упрощенной интерпретации соотношения знаковых структур.

Таким образом, наша гипотеза о знаковом отношении внутри структур основывается на трех принципах: 1) изоморфизм знаковых структур; 2) несводимость знаковых структур, раскрывающаяся как отношение высших и низших структур; 3) преодоление противоречия между двумя этими свойствами знакового отношения на основе теоремы Гёделя как переход от естественного языка к нормальной или математической логике и наоборот.

Ноябрь 1963 — март 1964, Москва

БИБЛИОГРАФИЯ

к главе шестой

1. См. Б. А. Грушин. Очерки логики исторического исследования. М., «Высшая школа», 1961, стр. 17—18; С. Бир. Кибернетика и управление производством. М., Физматгиз, 1963, стр. 26—36.
 2. См. П. С. Кузнецов. О последовательности построения системы языка. «Тезисы конференции по машинному переводу». М., 1. МГПИИЯ, 1958, стр. 16—17; С. К. Шаумян, В. В. Иванов. Лингвистические проблемы кибернетики и структурная лингвистика. В сб. «Кибернетику — на службу коммунизму». М., Энергоиздат, 1961, стр. 222—233.
 3. См., например, Ф. Энгельс. Диалектика природы. Л., Госполитиздат, 1949, стр. 197.
 4. См. А. Н. Колмогоров. Автоматы и жизнь. В сб. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1961, № 6, стр. 4—5.
 5. См. Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 176.
 6. Гегель. Соч., т. III. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 270—271.
 7. Ф. Джордж. Мозг как вычислительная машина. М., ИЛ, 1963, стр. 35.
 8. П. А. Дирак. Эволюция взглядов физиков на картину природы. ВФ, 1963, № 12, стр. 92.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
I. Система знаков и язык	7
II. Из истории семиотики и классификации знаков	20
III. Некоторые основания теории лингвистической семиотики	41
IV. Определяющий набор свойств языкового знака	47
V. Знак и значение	58
VI. Понятие языковой системы и структуры	81

Александр Григорьевич Волков
ЯЗЫК КАК СИСТЕМА ЗНАКОВ

Тематический план 1966 г. № 128

Редактор *Л. А. Новиков*

Обложка художника *С. Б. Генкиной*

Технический редактор *К. С. Чистякова*

Корректоры *Л. С. Клочкова,*

И. С. Хлыстова

Сдано в набор 29/IV—1966 г.

Подписано к печати 22/IX—1966 г.

Л-45555 Формат 60×90¹/₁₆

Физ. печ. л. 5,5 Уч.-изд. л. 5,65

Изд. № 75 Зак. 463 Тираж 10 000 экз.

Цена 36 коп.

Издательство

Московского университета

Москва, Ленинские горы

Административный корпус

Типография Изд-ва МГУ (филиал),

Москва, проспект Маркса, 20.